

КАЗИМЕЖ БРАУН

American Dreams

АМЕРИКАНСКИЕ МЕЧТЫ

Драма в двух действиях

Перевод с польского Евгения Невякина

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАТЬ, актриса средних лет.

ДОЧЬ, молодая актриса.

Место действия:

любая сцена либо эстрада.

Время:

девяностые годы XX века.

Премьера American Dreams состоялась в The Canadian Stage Theater в Торонто (Канада) 14 октября 1994 года. Спектакль поставил «Театр Полония» в Торонто. В роли матери выступила Мария Новотарская, в роли Дочери – Агата Пилитовская, постановку осуществил автор.

Действие первое

Уже перед началом представления слышна приглушенная музыка: известные американские «шлягеры» – песни и мелодии послевоенных лет. В дальнейшем этот вид музыки будет называться «American Dream» – «Американская мечта. Свет гаснет. В темноте неотчетливо видна Дочь, освещающая себе путь зажигалкой. Она тащит две тяжелые сумки – в руке и на плече. Некоторое время она блуждает по темной сцене. Спотыкается обо что-то. Еле слышно чертыхается. Кричит.

ДОЧЬ. Не могу найти выключатель!

МАТЬ (откуда-то издалека). А я застряла в заставленном мебелью коридоре. (Шум падающих предметов.) Помоги мне!

ДОЧЬ. Ты что, не видишь ступенек? Осторожно!

МАТЬ. Не могла мне раньше сказать? (Появляется в темноте – она тоже тащит две сумки и большой радиоприемник с магнитофоном. На ней пальто и шляпа.) Похоже, я вывихнула ногу.

ДОЧЬ. Подожди, не двигайся. Я помогу тебе.

МАТЬ. Не нужно, я сама справлюсь... Кости пока целы. Хотя песок из меня уже сыплется.

Музыка утихает.

ДОЧЬ. У тебя с собой нет какого-нибудь фонарика или свечи?

МАТЬ. А как же! Я как раз собиралась в поход на байдарках. У меня электрический фонарь, ракетница, газовая плитка, а также сверкающие как молнии мои прекрасные глаза! Что выбираешь?

ДОЧЬ. Любишь ты пошутить, как говорил Стасик.

МАТЬ. Какой Стасик? Ты опять кого-то подцепила?

ДОЧЬ. Стасик Выспанский. Знаменитый польский драматург. Ведь ты это играла, правда?

МАТЬ. Я не играла! Ничего никогда не играла! Я повариха, а не актриса, запомни это. Вот ты актриса.

ДОЧЬ. Как раз сейчас я – уборщица. И не пытайся со мной спорить. А сегодня у тебя возможность стать не только актрисой, но и голливудской звездой.

МАТЬ. У меня? Это ведь тебя вызвали на «audition», на так называемое прослушивание. Это ты сегодня должна перед ними продемонстрировать свои таланты.

ДОЧЬ. Я сегодня не в форме. Ты мне будешь суфлировать, и на тебя тут же обратят внимание:

Кто эта дивная, прекрасная незнакомка?

Нездоровым румянцем пылают ее ланиты,

Какая ужасная в ней тайна?

Прошу тебя, скажи, я от волнения умираю!

Тебя попросят прочитать какой-нибудь монолог. Ты немного пожеманничаешь, но, в конце концов, согласишься и выдашь им свою Леди Макбет. И тут же меня затмишь. Они перед тобой встанут на колени, пригласят на роль, а я вернусь к своим швабрам и помойным ведрам.

МАТЬ. Тебе же сразу сказали, что ищут молодую, а не старую актрису.

ДОЧЬ. Знаешь, старушка, я ведь тоже не такая уж молодая. А если им нужно тело, то у тебя его больше.

МАТЬ. Но не там, где нужно.

ДОЧЬ. Есть поменьше надо. Посмотри на меня.

МАТЬ. Сколько раз тебе повторять, что такое сумасшедшее голодание до добра не доведет. Будешь играть лишь жертв голода в Африке. К тому же загримированная под негритянку. И потеряешь амплуа.

ДОЧЬ. Амплуа? Лишь бы не потерять employment¹. Мне надо быть на работе в полночь и ни на секунду нельзя опоздать.

МАТЬ. В актерских кругах говорят не employment, а engagement.

ДОЧЬ. Но я к ним уже не принадлежу.

МАТЬ. Ничего, снова вернешься на сцену. Я в тебя всегда верила. Дай мне зажигалку.

ДОЧЬ. Возьми лучше факел!

МАТЬ. Тоже мне, богиня Веста¹ нашлась. Хранительница огня. *(Она берет зажигалку и идет искать выключатель. Музыка «American Dream» звучит снова. Мать спотыкается и что-то опрокидывает.)* Нашла! Нашла! О, нет... Мне показалось. Черт! На этот раз я и в самом деле подвернула ногу... Вот он! Вот он! *(Неожиданно сцену заливают яркий свет, как раз в этот момент Дочь поправляет на себе колготки.)* Вот он! Вот он!

ДОЧЬ. Ты мог бы предупредить, что зажигаешь лампу, а ты, ты... Нахал... Все мужчины одинаковы! Урод... ты...

МАТЬ. Ты уверена, что это здесь? *(Она осматривает все вокруг. Сцена пуста, немногочисленные стулья перевернуты.)*

ДОЧЬ. Конечно, здесь. Я три раза проверяла адрес. *(Еще раз смотрит на листок бумаги.)* Здесь. Все правильно. Как указано в его записке. Студия номер Д-4. Рядом студия Д-5 и табличка с надписью, чтобы не входить, потому что там проводится audition к мюзиклу

---

¹ employment (англ.) – работа.

¹ Веста – римская богиня огня и домашнего очага.

«Мелодии прошлых лет». Не слышишь? (*Какое-то время они обе слушают.*) Мелодии твоей молодости. Вероятно, ты так представляешь себе Америку.

МАТЬ. American dream... Мечта... Сон об Америке... А у тебя были такие сны? Признайся?

ДОЧЬ. Я слушала Коэна.

МАТЬ. И что? Америка оказалась такой, как он о ней пел?

ДОЧЬ. Сама знаешь.

МАТЬ. Знаю, знаю. Но именно поэтому иногда стоит помечтать о том, что она совсем другая.

Музыка прекращается.

МАТЬ. Так в самом деле это здесь?

ДОЧЬ. Во всяком случае, ключ подошел. «Пришлю вам письмо и ключ». Словно он тебя видел в «Свадьбе» Выспянского.

МАТЬ. Здесь небогато.

ДОЧЬ. Сказал, что из-за недостатка времени он ничего другого не мог найти на «audition». Впрочем, сначала предлагал встретиться в гостинице. Может, зря я не согласилась.

МАТЬ. Если бы ты согласилась, ты уж наверняка не получила бы этой роли.

ДОЧЬ. Вот именно. Поэтому я и не стала с ним там встречаться. Но мы пришли слишком рано. Я тебе всегда говорила, что ты уж больно рано выходишь из дома на спектакли и только напрасно время тратишь в уборной, ожидая звонка. Теперь нам тоже придется ждать.

МАТЬ. Ты успеешь переодеться и загримироваться. Давай начнем.

ДОЧЬ. Спешить некуда. У нас полно времени, тем более что он наверняка опоздает.

МАТЬ. Но ты должна быть готова, когда он придет. У него, похоже, времени в обрез. Он – великий человек, должно быть, очень занятой.

ДОЧЬ. Спешить вредно.

МАТЬ. Садись. Сегодня вечером это будет моя первая роль. Я буду играть костюмершу... Нет, сначала парикмахера. Потом костюмершу. А потом суфлера. Садись на этот стул.

ДОЧЬ. И мне придется играть звезду? Да?

МАТЬ. Я великодушна. Уступаю тебе роль звезды на сегодняшней вечер. Ну-ка, надень халат, пока будешь гримироваться.

ДОЧЬ (*переодеваясь за ширмой*). Но я не гожусь. Я уже ни на что не гожусь. Это ты себе вбила в голову, что меня снова удастся поставить перед камерой. И снова из меня сделаешь актрису. Зачем ты вообще послала мою фотографию на этот конкурс? Посмотри на мои руки. И хотя я все время работаю в резиновых перчатках, видишь, как они выглядят? Это в Польше, в театральной школе тебе, мамочка-профессор, удавалось сражаться на педсоветах, добиваясь, чтобы доченьке-студентке ставили пятерки. Все родители, дети которых учились в Высшей театральной школе, так делали. Но, пожалуй, лишь ты билась за мои успехи как львица. А ко мне всегда были претензии. Знаю, что я слишком впечатлительная, что играю тебя. Что слишком много думаю. На кой ты меня вообще взяла в театр? Ведь ты же была звездой. Не возражай. Была. Ты занимала видное положение в театральном мире. Неужели тебе хотелось воспитать себе партнершу? Соперницу? Или наследницу? А может, ты старалась меня контролировать? Постоянно следить за мной? Признайся!

Мать не отвечает. Стирает пыль со столика и стула. Вынимает из сумки и устанавливает зеркало. Достает коробку с гримом и косметичку. Раскладывает все на столике перед зеркалом. Ставит и зажигает две лампы. Из какого-то угла вытаскивает два софита на стойках и, распутав провода, включает в розетку. Выключает главный свет. Набрасывает короткий халатик и т. д. Дочь все еще переодевается и продолжает говорить.

ДОЧЬ. Меня всегда восхищал в театре сам процесс переодевания из повседневной одежды в театральный костюм. Снимаешь свою одежду – остаешься нагишом – а потом надеваешь

чужое. От повседневности – через пустоту – в мир театра. словно я с себя снимала собственное «я», а потом пластами накладывала на себя «я» персонажа. Но разве то, что я с себя сбрасывала, было моим «я»? Или только моим повседневным костюмом? А нагой была ли я сама собой? Гомбрович сказал бы, что да. Но ведь я играла монашку и знаю, что раздетой кажусь куда более неестественной, чем одетой. Может, я только тогда становилась естественной, когда надевала на себя костюм персонажа? Не знаю. Психоанализ из гримерной. А иногда мне казалось, что, готовясь в артистической уборной к тому, чтобы сыграть роль, я возвращаюсь к тебе, да, в твой живот, становлюсь анонимным эмбрионом, потом увеличиваюсь в тебе, расту, ты меня рождаешь, ведь это ты учила меня актерскому мастерству, а потом... я становлюсь взрослой... превращаюсь в героиню спектакля... и тогда в дверях моей уборной появляется отец. Он нежно берет меня за руку и ведет на сцену... Об этом я только мечтала.

МАТЬ. Отец? Ты мечтала о том, чтобы отец вел тебя на сцену...

ДОЧЬ. Да. Отец. А что?

МАТЬ. Ничего, ничего. Перестань болтать, лучше подойди к зеркалу.

ДОЧЬ. Иду, уже иду... Во всяком случае, когда я была в костюме, гриме и шла на сцену...

МАТЬ (*неожиданно срывает с себя халат, бежит за пальто*). Хватит! Я не могу больше слышать о театре. О сцене. О ролях. Ты мне надоела. Я сама себе надоела. Гримируйся без меня. Ты мечтала о том, чтобы отец вывел тебя на сцену, после всего, что я... Ухожу.

Ненавижу. Ненавижу. (*Истерически рыдает.*)

ДОЧЬ. Мама! Мама...

МАТЬ. Что?

ДОЧЬ. Мама? Неужели ты мне не поможешь?

Мать возвращается, причесывает и гримирует Дочь.

МАТЬ. Знаешь, как о тебе говорили в театральной школе?

ДОЧЬ. Выходит, доносили госпоже профессор на меня?

МАТЬ. Конечно. Говорили: такая красивая и такая умная, как жаль.

ДОЧЬ. Ум и красота несовместимы, да?

МАТЬ. Многие в театре так думают. А знаешь, что болтали обо мне?

ДОЧЬ. Знаю. Но не скажу.

МАТЬ. Я тоже знаю. Можешь не говорить. Это было давно. (*Снова звучит мотив «American Dream»*.) Слышишь... Это замечательная, прекрасная, щедрая Америка раскрывает перед тобой объятия. Соблазняет тебя богатством, сулит сладкую жизнь, обещает успех. (*Музыка умолкает. Пауза.*)

ДОЧЬ. Тебе здесь так плохо?

МАТЬ. Не задавай банальных вопросов.

ДОЧЬ. Простеньких.

МАТЬ. Я приехала, чтобы тебе помочь с детьми, так?

ДОЧЬ. Это помощь или желание заставить меня поступить по-твоему? Стремление безопасно провести меня через жизненные трудности или заставить меня и детей принять твой стиль жизни? Попытка вернуть меня обратно домой или помочь найти свое место за границей?

МАТЬ. Разве я тебе не помогаю?

ДОЧЬ. Помогаешь. Ты же знаешь, что мне без тебя не справиться.

МАТЬ. Не знаю.

ДОЧЬ. Не прикидывайся.

МАТЬ. Что мы здесь делаем? Зачем мы сюда приехали? Чужие. Без профессии. Без приличной работы. Это не наша страна. Жаль нас. Вначале, когда меня кто-то спрашивал, какая у меня профессия, я отвечала: актриса. Все удивлялись. Ибо тут, в моем возрасте,

«актриса» – значит либо безработная, либо миллионерша. В твоём возрасте это ещё проще: либо waitress, либо hooker¹, ты меня понимаешь? Я на миллионершу не похожа. Поэтому перестала признаваться, что я актриса. Теперь я либо профессор Ягеллонского университета на научной стажировке, либо депутат польского парламента из Вроцлава, принимающая участие в семинаре феминисток, либо директор варшавского телевидения, которая едет на журналистский конгресс в Лос-Анджелес, или, в крайнем случае, воевода из Жешова, который налаживает торговые отношения с Квебеком. Вначале, когда кто-то говорил, что у меня славянский акцент, а, следовательно, я полька, русская или украинка, я гордо отвечала, что я полька. Но со временем эти вопросы начали меня злить. Как только я от кого-нибудь слышала, что у меня «funny accent», то тут же я отвечала, я – венгерка, голландка или финка, в зависимости от настроения. Финка! А детей жалко. В школе один язык, в доме другой. Но на первом они играют с ребятами, смотрят мультфильмы по телевизору, значит, им пользуются чаще, он приятнее и легче. Между собой они тоже говорят по-английски. А второй язык, польский, проигрывает. Часто бывает, что внуки обращаются ко мне на своём языке, а я отвечаю им на своём. И мы неплохо друг друга понимаем. Но они значительно быстрее забывают польский, чем я изучаю английский. Дома ты была нужна стольким людям, а здесь всем на тебя наплевать. В Польше у тебя осталось множество друзей. Здесь – трое, четверо знакомых. Никто тебя здесь не хочет. Местные смотрят на тебя враждебно, ибо им приходится платить более высокие налоги, чтобы обеспечивать медицинскую страховку тебе и твоим детям. Иммиграционные службы думают, что ты попала сюда, получив обманном путём визу, тебя привезли сюда в вонючем трюме контрабандистского судна или ночью, протолкнув под колючую проволоку пограничной ограды. Для налогового управления ты потенциальная обманщица. Работодателя ты компрометируешь, потому что работаешь нелегально. В банке от тебя ждут подвоха. У полиции ты под подозрением. Тебе приходится без конца кому-то что-то доказывать. Со всеми вокруг приходится постоянно бороться. Тобой движет только инстинкт самосохранения. Ты уже давно ничего не читаешь. Все меньше думаешь. У тебя даже нет времени с детьми повторить «Отче наш». Зачем все это?

ДОЧЬ. Ты меня собираешься причесать или исповедовать?

МАТЬ. Не притворяйся. Передо мной не стоит. Ведь ты же сама себе задаешь такие же вопросы.

ДОЧЬ. Но и ты их себе задаешь, правда? *(Пауза.)*

МАТЬ. Может, наконец, пришло время задуматься обо всем этом. Так кто же мы такие? Две эмигрантки? Или две беженки? Две бывшие актрисы? Или сегодня – две обычные уборщицы? Надо это назвать своими именами...

В этот момент раздаётся громкий телефонный звонок. Обе женщины начинают осматриваться вокруг в поисках телефона.

ДОЧЬ. Может, это мне звонят?

МАТЬ. Возможно. Но где телефон? *(Бежит к выключателю и снова помещение заливают яркий свет.)*

ДОЧЬ. Там, там, в углу. *(Бежит за кулисы. Звонок замолкает. Дочь возвращается с телефонной трубкой на длинном проводе, слушает, поддакивая. Мать пытается тоже приложить ухо к трубке.)*

ДОЧЬ. *(Шепотом, раздраженно.)* Ты и так ничего не поймешь! Не лезь! *(В трубку.)* Yes? I am so happy that you are calling. Yes, I'm waiting. I'm ready. In five minutes? See you. Bye! *(Она выбегает, забирая с собой телефонную трубку, и уже оттуда кричит.)* Это он. Продюсер. Будет через пять минут. Он где-то здесь, недалеко. Звонил из машины. Побыстрей, где мое платье? *Возвращается. Снова слышна музыка «American Dream». Разыгрывается сцена торопливого, нервного переодевания Дочери, которая надевает*

---

¹ waitress (анг.) – официантка, hooker (анг.) – шлюха.

вынутый из одной из сумок костюм. Эта сцена должна быть гротескной, почти как из немого кино, основанная на борьбе дочери с отдельными частями туалета, возня с пуговицами и молниями и т.д. Мать все время неловко пытается помочь ей. Здесь следует – во время репетиции – сымпровизировать диалог, состоящий из коротких слов, приказаний типа: «подай мне пояс», «не это», «торопись», нечленораздельных ругательств, когда что-то не застегивается, а также раздраженных криков Дочери и успокаивающих слов Матери. Наконец Дочь встает посредине сцены, полностью одетая.

ДОЧЬ. Готово.

МАТЬ. Ты сама прелесть. Что это должна быть за роль?

ДОЧЬ. Какая роль?

МАТЬ. Ну, та, на которую он тебя собирается пригласить.

ДОЧЬ. Не знаю. Но хочу, чтобы он знал, что имеет дело со звездой.

МАТЬ. У него не возникнет никаких сомнений. В таком костюме ты можешь выступить на пресс-конференции в аэропорту в Каннах, сразу же после прилета на фестиваль. Ну и сразу будет видно, как себе представляет кинозвезду бедная Золушка.

ДОЧЬ. Тебе что-то не нравится?

МАТЬ. Ты мне очень нравишься. *(Музыка затихает.)* Он вот-вот будет. Идем. Сядем скромно в углу. А когда он появится в дверях, ты тогда встанешь и выйдешь ему навстречу. Сделаешь большое антре. А я останусь в тени. Будем ждать.

Они садятся в полумраке.

ДОЧЬ. Но я хорошо выгляжу? Скажи?

МАТЬ. Прекрасно. Тихо!

Длинная пауза.

ДОЧЬ *(шепотом)*. Когда он войдет, я первой должна сказать «Хэлло» или подождать пока он?..

МАТЬ *(тоже шепотом)*. Лучше поздоровайся первой и сразу подойди к нему, чтобы он знал, что это ты.

Длинная пауза.

ДОЧЬ *(неожиданно громко)*. Идет!

МАТЬ *(через минуту)*. Ничего не слышно.

Пауза.

ДОЧЬ *(страстно)*. Зося, Зося, моли Господа, едет! Цокот! Едет! Мчится! Похоже около сотни лошадей! Все ближе и ближе! На колени! *(Становится на колени.)* Остановился! Как вкопанный. Сдерживает лошадь изо всех сил. Ах, если бы это Архангел был! *(Встает с колен.)* Знаешь что, мамочка, мы ждем здесь как две идиотки какого-то там продюсера или режиссера, словно он – Архангел. Стыд, да и только. Мне это надоело. Нечего ждать. Я ухожу. Если хочешь, можешь остаться. Он тебе наверняка даст роль. Привет.

МАТЬ. Тебя эмигрантская жизнь не научила терпению? Тебе мало унижений, оскорблений, афронтов? Еще не поняла, что здесь тебе никогда нельзя опаздывать, а ждать всегда надлежит тебе, а не наоборот?

ДОЧЬ. Вот именно. Мне это надоело.

МАТЬ. А мне, думаешь, нет?

ДОЧЬ. Извини. Но знаешь... *(Направляет софит на входную дверь.)* По крайней мере, мы ему приготовим эффектное появление.

МАТЬ. Он сразу же ослепнет и не заметит красоты твоей мордашки. Не говоря уж об остальном.

ДОЧЬ. Идет.

МАТЬ. Не слышно.

ДОЧЬ *(берет в руку солнцезащитные очки, которые у нее будут играть роль микрофона. Обращается к Матери как к режиссеру, у которого берет интервью)*. Господин режиссер, вы прилетели прямо из Лос-Анджелеса, после вручения Оскаров. Наши слушатели хотели бы узнать, что вы чувствовали, когда была произнесена ваша фамилия

как лауреата? (*Слушает, кивая головой.*) Вы очень остроумно это представили. Просто гениально! Господин режиссер, а какова цель вашего визита в наш прекрасный город? (*Снова выслушивает ответ и лучезарно улыбается.*) В самом деле? Вы узнали, что сюда на гастроли приехала эта известная польская актриса? И что? Вы хотите пригласить ее в свой следующий фильм?

Какое-то время Мать отказывается принимать участие в игре. Потом неожиданно надевает пальто и шляпку, берет губную помаду и, пользуясь ею как сигарой, начинает играть режиссера.

МАТЬ (*грубым голосом*). Да, да-а, мои агенты нашли здесь молодую, удивительно талантливую актрису из Польши. Мне о ней многие говорили. Я решил пригласить ее на прослушивание. В случае, если она будет сопротивляться, велел привезти ее силой.

ДОЧЬ. Силой? Это же ужасно возбуждает? Неужели вы всегда так поступаете с молодыми актрисами?

МАТЬ. Всегда. Сила важнее права, это мой девиз. Право важнее левого. Левое важнее... Ой, что-то я запуталась. Давай бросим эту комедию.

ДОЧЬ. Прошу тебя! Играй дальше! Господин режиссер, прошу вас сказать что-нибудь еще об этой молодой польской актрисе.

МАТЬ. Я о ней знаю немного. Мне сказали, что она так привередлива, что отказывается от большинства предложений и очень неохотно участвует в просмотрах и кинопробах. Но если ее талант и актерские способности соответствуют популярности, которой она пользуется, я готов вытерпеть все ее капризы и понести финансовые расходы, лишь бы пригласить ее в мой фильм.

ДОЧЬ. Вы сказали, что эта актриса находится здесь на гастролях? В каком театре ее можно увидеть?

МАТЬ. Она старается выступать инкогнито. Играет только в конспиративных, честно говоря, подпольных спектаклях. Ходят слухи, что эту привычку она привезла из Польши. Ее можно увидеть то здесь, то там, но только ночью, в разных учреждениях, в подсобках магазинов, а также в кухне одного бара. Но я ее вытаску под огни рампы, вернее, под юпитеры камеры фильмовой. Это, знаете ли, такое польское выражение...

ДОЧЬ. Выходит, вы ищете Золушку, как сказочный принц? А в какой роли принц ее видит?

МАТЬ. Хм, хм, я не люблю рассказывать о моих творческих, то есть дворцовых тайнах, но это будет роль самой наивной и в то же время самой расчетливой женщины, нечто вроде Джульетты и Клеопатры одновременно, или Джулии Робертс, соединенной с ... (*Какое-то время через диалог обеих актрис с трудом прорывается телефонный звонок, который как раз в этот момент доходит до Матери.*) Минутку, минутку, мне кажется, звонит телефон...

Дочь бежит за кулисы. Слышен ее голос.

ДОЧЬ. Yes? It's me? Juliet, sorry, that is Julia, no, no it's me... Yes, yes. No problem. I'll wait, no, no, not at all. (*Возвращается.*) Он не приедет.

МАТЬ. Не приедет? Вообще?

ДОЧЬ. Опаздывает. Как-то мне невразумительно объяснил, что в машину позвонили, и ему пришлось по пути остановиться в какой-то конторе или банке, или еще где-то, я не поняла. Во всяком случае, просит, чтобы я его здесь подождала. Приедет наверняка. Но только не сейчас.

МАТЬ. А когда?

ДОЧЬ. Откуда я знаю.

Пауза. Музыка «American Dream». Обе какое-то время ее слушают.

Ну, пошли отсюда. Не для нас эта Америка.

МАТЬ. Ведь ты же ему сказала, что будешь ждать.

ДОЧЬ. Но мне уже не хочется. И так из этого ничего не выйдет. Зачем?

МАТЬ. Давай дадим ему еще один шанс. А поскольку нам придется ждать, то, может, стоит повторить твои коронные сцены?

ДОЧЬ. Нет никакого смысла. Того, что я говорю по-польски, он не поймет. А то, что я умею по-английски – его только рассмешит.

МАТЬ. Если он специалист, то оценит твое актерство независимо от языка. Главное, чтобы ты потом не пожалела. Поработаем? Давай повторим все три твоих текста. Так, как он велел тебе их подготовить – один классический и грустный, другой – современный и смешной. Да? А на десерт песенка с танцем. Хорошо?

ДОЧЬ. Вроде бы так, если я его правильно поняла по телефону... У него наверняка есть еще другие кандидаты на эту роль и у них не будет проблем с английским...

МАТЬ. Не ленись! Так что? Начнем с современного или классического?

ДОЧЬ. Не знаю. Я вспоминала тексты в ванной... Я так давно не была на сцене... Не чувствую пространства... я не справлюсь.

МАТЬ. Справишься. Справишься. Сначала Диана. Подожди, я только установлю свет. *(Переставляет софиты на стойках. Потом спускается в зал, будет наблюдать – режиссировать. Два раза хлопает в ладоши.)*

ДОЧЬ. Вы готовы, госпожа профессор?

МАТЬ. Прошу! *(Хлопает.)*

ДОЧЬ. Честное слово, совсем как в театральной школе... И к тому же это мой бессмертный монолог. Я его играла в школе, потом в театре. Раз сто. Меня от этого тошнит. Я своим монологом вряд ли кого удивлю.

МАТЬ. Здесь этого не знают! К тому же ты делаешь все прекрасно. Прошу! *(Хлопает.)*

Подсказываю: Я прямо говорю, о браке. Я должен на колени встать?

ДОЧЬ. Это слишком смело,

Мой режиссер... Вы как купец

Приблизилась к товару... – Где локоть?

И где весы? Смотри, у польской актрисы

Хватает гордости, чтобы не сразу

С тобою лечь в постель!

МАТЬ. Мне вовсе не смешно от твоих шуток! Нисколько! *(Музыка стихает.)* Ну, наконец-то тишина. Я тебе постоянно повторяю, что прежде, чем начнешь, ты должна внутренне успокоиться, потом войти в образ, потом идентифицировать партнера, установить с ним визуальный и внутренний контакт и только потом начать говорить.

ДОЧЬ. Слушаюсь, госпожа профессор. Я страшно взволнована, госпожа профессор. Прошу на меня не сердиться, госпожа профессор. А то я сейчас заплачу, госпожа профессор.

МАТЬ. Не валяй дурака, ладно? Начнем еще раз. Лучше всего отвернись от нас или встань немного боком. Закрой глаза. Сосредоточься. Потом медленно открой глаза и неторопливо повернись. И только тогда говори: «Я прямо говорю, о браке. Я должен на колени встать?»

ДОЧЬ. Это слишком смело,

Мой Граф!... Вы как купец

Приблизилась к товару... – Где локоть?

МАТЬ. Нет, нет, нет! Если ты будешь кудахтать, как попугай, то лучше и в самом деле нам вернуться домой.

ДОЧЬ. Попугаи не кудахчут. Это куры, госпожа профессор, в кустах, когда яйцо снесут... Попугаи стрекочут. Как старые актрисы. Прости. Я могу попробовать еще раз, госпожа профессор?

МАТЬ. Должна. *(Минута тишины.)*

ДОЧЬ. Это слишком смело,

Мой Граф!... Вы как купец

Приблизилась ... к товару... – Где локоть?

И где весы? Дворянскому ребенку
Бог дал... смотрите, Граф, вот даже этот ноготь
У пальца, как рубин, омытый
Кровью предков, а может быть добытый у визиря!
И слезы ... Смотри, они как слезы Амфитриты,
Ведь слезы от обиды. В сапфире
Глаз моих увидишь отраженье слез горьких
Рода нашего.
Все ... что мог в наследство получить ... от умерших ...
ребенок грустный ... Костер сердец, великодушные и
красоту от мыслей ...
А все мое приданое – лишь это тело ...
И о душе вообще не стоит говорить,
С тобой торгуясь о себе – на фунты.
Еще добавить можно кораллы уст моих,
Слезами и огнем бунтующие очи, которые велели
гордой быть и трудной в торге.
Так что же, Граф, хотел бы, не склонив колени,
Как пред Мадонной средь степи пустынной
Лицо заставить покраснеть ее
И грубостью – святое чудо получить в награду,
Чтоб влагою ее наполнились зеницы,
Как каплями кропилась кровь из полотна?
Что ж, ты известен, славен здесь в округе ...
Любовь людская тут преследует тебя ...
Но ты какой-то угловатый, похожий на жемчужину
Востока, цена которой из-за формы так высока, хотя
она и не похожа на камень драгоценный,
но как монстр дивный, ценный.
Так ты уж думал, что я помчусь к такому диву
Как ребенок нищий?

Так будь по-твоему, ответу прямо,
Тем более, что мы с тобой наедине:
Отец мой – отдает меня тебе, а сам
Получит деньги. – Прости, что
Прямо говорю... У моего отца отцовские долги,
И сам казне он должен кучу денег,
А завтра – у всех крестьян отнимут плуги
И в каждой хате будет сторожить солдат.
Так если хаты эти ... завтра я услышу,
Попросят Бога – а с неба не ударит гром,
Если дух, молящийся во мне, помочь не сможет;
И если женщины меня обступят и в ноги упадут,
Словно я Богоматерь в небе –
А я ничем помочь им не смогу;
Если Бог лишь из несчастья моего
Желает, чтобы я черпала силы ...
Которые, подобно чуду, спасут народ ...
Согласна стать женой твоею я.

(Пауза.)

Ну и как?

ДОЧЬ. Нет. Хватит. Бесполезно. Он уже не придет.

МАТЬ. Придет. Подождем. А твой музыкально-танцевальный номер?

ДОЧЬ. Успокойся. *(Гасит оба софита на стойках, а софит, стоящий на полу, направляет вверх. Протягивает руки и греет их над лампой.)* Помнишь, как мы грелись у костра над Дунайцом, когда перевернулась наша лодка? Обе мокрые. Холодрыга страшная. Зуб на зуб не попадает.

МАТЬ. Помню. *(Подходит к Дочери и тоже греет руки над софитом.)* Мы хотели купить у крестьянина водки, чтобы согреться, а у него был только самогон. Я думала, что меня вывернет всю, когда я его глотнула.

ДОЧЬ. Мама, почему отец не ездил с нами в походы на лодках?

МАТЬ. Ты же знаешь.

ДОЧЬ. Тогда я не знала. А мне так хотелось, чтобы он был с нами.

МАТЬ. Тогда?

ДОЧЬ. Тогда. И теперь.

МАТЬ. А твой... муж?

ДОЧЬ. С этим покончено. А ты?

МАТЬ. Что, я?

ДОЧЬ. Хотела бы, чтобы он вернулся?

МАТЬ. Да. Но теперь ты знаешь, как все получилось. И что происходит сейчас.

ДОЧЬ. Знаю. И все же хотела бы, чтобы он появился там, в дверях. В темноте. Вместо какого-то режиссера.

МАТЬ. Чтобы кто появился?

ДОЧЬ. Отец.

МАТЬ. Тихо!

ДОЧЬ. Ты все еще ждешь.

МАТЬ. Кого?

ДОЧЬ. Не притворяйся!

МАТЬ. Нет. И все же я боюсь, что это может случиться. И что тогда?

ДОЧЬ? Значит, ты его все еще ждешь. Так же как и я.

МАТЬ. Ты ждешь отца?

ДОЧЬ. Больше, чем кого-либо в мире.

Зазвонил телефон. Вначале женщины не реагируют. Потом мать недовольно говорит.

МАТЬ. Подойди.

ДОЧЬ. Не хочу.

(Мать идет к телефону, неотчетливо слышен ее голос. Возвращается.)

Ошиблись номером.

МАТЬ. Он наверняка позвонит или придет. Теперь уж скоро.

ДОЧЬ. Кто?

МАТЬ. Как кто? Твой принц.

ДОЧЬ. Ты его еще ждешь? Ты всегда была упрямее меня. Поэтому чего-то добилаась.

МАТЬ. Ты тоже добьешься. Только подожди. Еще немного.

ДОЧЬ. Я – уже другое поколение. Мне не надо было бороться с превратностями судьбы. Как тебе. Я все получила. В избытке. Сначала от отца, потом от тебя. От тебя вдвойне, когда отца уже не было с нами. Я всегда считала, что мне все должны. Даже пятерки в театральной школе, которые были скорее твоей заслугой, чем моей. Ты меня везде продвигала. Оберегала. Выдала замуж в театре, за актера – чтобы мы оба были у тебя под боком. Ты не разрешала мне делать аборт. Нячила моих детей. Вытащила меня из тюрьмы, куда я попала во время военного положения за листовки. А потом уговорила нас уехать, чтобы нам было лучше... Я никогда не умела ничего решать сама. И когда я вдруг осталась одна – за границей, с детьми, без мужа и без работы – я совсем растерялась. Тогда ты бросила театр, в разгар сезона, чтобы меня спасти. Бросила весь репертуар, отказалась

даже сыграть в очередной раз свою коронную роль Леди Макбет. Почему? Тебе обязательно надо вернуться домой. И как можно скорее. Ты там нужна. Тебя ждут.

МАТЬ. Никто меня не ждет.

ДОЧЬ. Что ты говоришь. Тебя ждут театр и зрители.

МАТЬ. В театре я уже не нужна... давай не будем говорить об этом. А зрители? Барская любовь изменчива. Меня наверняка уже никто не помнит.

ДОЧЬ. Перестань! Люди ходили на тебя, толпы собирались. Режиссеры вставали к тебе в очередь.

МАТЬ. Возможно, когда-то. Это было давно и неправда.

ДОЧЬ. Ты что-то скрываешь.

МАТЬ. Отстань от меня. Я здесь, с тобой. С детьми. И мы должны найти выход из сложившейся ситуации. То, что было, уже не важно.

ДОЧЬ. Я тебя не понимаю... Даже если я получу эту роль, ну и что? Я поеду куда-нибудь на съемки, в Голливуд или в пустыню Аризоны, а ты останешься с детьми. Да? Но ты не можешь так жить. Ты должна вернуться в театр. И в Польшу. А мне надо самой устраивать свои дела здесь. Я не должна все время держаться за твой подол. Пошли домой.

МАТЬ. Мы егождемся. Он наверняка придет. И по достоинству оценит тебя. Даст тебе роль. Если не справишься с языком, они сделают дубляж. А потом ты как следует выучишь язык. Ты способная девочка. Тебя засыпят предложениями. купишь виллу в Бель Эр. Будешь выбирать роли. Детям найдем няню. А я буду ездить восемнадцатиметровым белым лимузином с шофером за покупками. Станешь богатой и знаменитой. А я буду матерью богатой и знаменитой кинозвезды.

ДОЧЬ. Мели, Емеля, твоя неделя. Ты сама знаешь, что это не так просто. Знаешь ведь, правда?

МАТЬ. Во всяком случае мы должны ждать! Такого случая упустить нельзя.

ДОЧЬ. Ты еще надеешься?

МАТЬ. Не сомневаюсь. И верю.

(Пауза. снова раздаются звуки «American Dream».)

МАТЬ. Твой третий номер! Танцевальный. Ну, скорее! Работай, работай!

ДОЧЬ. У меня нет сил. Я устала.

МАТЬ. Тебе нужна разминка перед самой решающей в твоей карьере баталией! Ну, давай!

ДОЧЬ. Разве только в дуэте с тобой.

МАТЬ. Со мной? Ну, хорошо. Мы с тобой проделывали это много раз. *(Идет к магнитофону и вставляет кассету. Кричит.)* Тихо! Эй, вы, там за стеной! Хватит! Тихо! *(Музыка за стеной, конечно, не прерывается. Несмотря на это, мать включает магнитофон. Раздаются задорные звуки танца. Две мелодии накладываются одна на другую. Дочь переодевается за ширмой. Мать переставляет софиты: желательно поменять цвет – на ярко-оранжевый.)*

Дочь появляется в костюме из кабаре: черные колготки, черные сапоги для чечетки, белая блузка с галстуком-бабочкой, короткий фрак, цилиндр и трость. Обе актрисы выполняют веселый танцевальный дуэт. Во время танца музыка «American Dream» за стеной умолкает, а танцевальная музыка из магнитофона продолжает звучать.)

ДОЧЬ. Гоп! Гоп! Выше ножку. Гоп!

МАТЬ. У меня уже нет сил.

ДОЧЬ. Выше, выше.

МАТЬ. Нет уж, хватит. *(Перестает танцевать. Видно, что она устала. Выключает магнитофон.)* Нам надо немного отдохнуть...

Они выходят.

А Н Т Р А К Т

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же сцена спустя пятнадцать минут. Свет в зале гаснет. Звучит тихая музыка «American Dream» из соседнего зала. Сцена затемнена. Входит Мать, зажигает один из софитов. Голосом пробует акустику зала.

МАТЬ. Да, да, именно вам я хочу кое-что сказать. Не убегайте, господин режиссер! Не прячьтесь. Я знаю, что вы там. За креслом? Под креслом? В мышинной норе? А может, вы уже успели смыться и стоите за дверями? И боитесь войти, но подслушивать готовы? Так вот слушайте – хотя и за дверями! Что за глупые шутки! Не позволю делать вам замечания! Вы для этого слишком молоды. Вы вообще не понимаете, что такое актерство! Я уже тридцать лет на сцене! Ну, двадцать пять! А хоть бы и тридцать семь! Ну и что! А хоть бы и сорок! Это вы думаете, что я не понимаю вашего современного театра? Время для меня остановилось? И вы мне будете объяснять, что такое страсть? Мне? А знаете ли вы, что когда я играла сцену страсти Федры, то партнер, игравший Ипполита, испытал на сцене оргазм! Да, господин режиссер! Я уже умела превосходно играть, прежде чем вы прочитали все эти книги и пьесы Брехта, господин библиотекарь! Мне для этого не нужны книги, потому что у меня инстинкт, и я знаю, где усилить, а где смягчить. Я играла монолог Марии в «Варшавянке» в абсолютном экстазе, еще прежде, чем вы поехали в Америку учиться транс у негритянских колдунов. Когда я говорила шепотом, то портьеры в дверях третьего балкона колыхались! Ну, теперь вы уже можете войти в зал! Значит, вы хотели, чтобы я вышла с левой стороны сцены? Не с правой? Пожалуйста. Мне это не мешает. Но вы имели в виду справа от вас или от меня? Хорошо, хорошо. Я сама знаю, с какой стороны.

(Выходит. Потом снова входит на сцену. Играет безмолвный этюд: удивление – страх – веселье – до взрыва смеха, который она неожиданно прерывает. Говорит равнодушным голосом.)

Я это вам сыграю на премьере.

(Подходит к софиту, так, чтобы свет с близкого расстояния падал на ее лицо. Минута молчания.) Я должна еще кое-что добавить... Святой отец... Но я не знаю, как это сказать... Я убила... мою мать... Нет... Ксендз неправильно меня понял... Не то... Простите, что я неправильно выразилась... Не убила... Она умерла... Это страшная болезнь. До сегодняшнего дня я не в состоянии произнести ее название... Это длилось бесконечно... А я как раз получила главную роль в фильме. Первый раз в жизни. Но я не хотела оставлять маму одну... Часами сидела у нее в больнице... И она мне сказала, что я должна принять предложение... Такова жизнь... *(Пауза.)* В этот день... Директор картины не сказал мне, что звонили из больницы, сообщил мне только после окончания съемок. Я ехала ночью... Но было слишком поздно. *(Пауза.)* На следующее утро снова на съемочную площадку. Я хотела прервать съемки. Все относились ко мне сочувственно и заботливо, а одновременно, ну, что же, надо прямо сказать, жестоко и эгоистично. Старшие коллеги объяснили мне, что она уже умерла, а я актриса, и игра является главной моей обязанностью. Съемки были массовые, несколько десятков актеров со всей Польши. Иначе они могли сорваться. Люди потеряли бы деньги. Поэтому я согласилась. Чтобы не приостанавливать съемок даже во время похорон. Среди людей театра существует нечто вроде... профессионального чувства ответственности... Я не могла их подвести. В день похорон снимались с утра. Они специально для меня сделали перерыв, но не разрешили разгримироваться. Белое длинное платье невесты, такую роль я играла, костюмерша подколола мне булавками и набросила на него черный плащ, найденный где-то в костюмерной. Меня отвезли прямо на кладбище. Машина из киностудии ждала меня у ворот. *(Пауза.)* Вокруг часовни росли большие липы. Все в цвету... На них пчелы... В разгар лета... Сбор меда... Гроб был уже закрыт, стоял высоко, вокруг него свечи. Я встала на колени. Через открытое окно было слышно жужжание пчел. Мне было жарко в моем черном плаще, но я не могла его даже расстегнуть из-за моего белого платья... Пыталась молиться за душу матери... Думала... Кто я на самом деле? Придуманный

персонаж из фильма, разыгрывающий фальшивую скорбь? Или дочь женщины, которая там, среди свечей, по-настоящему была мертвой? Видимость актерства, неожиданно столкнувшаяся с действительностью. И фальшь жизни перед правдой смерти. Как я могла согласиться на эту роль в фильме, в то время как мать умирала? И когда шли съемки. Почему я не настояла и не прервала их хотя бы в день похорон? В какой-то момент я заметила, что по гробу ползет пчела. Может, она сбилась с пути? А может, устала от жары? Или обожгла крылья о горящую свечу? Неожиданно пчела сползла вниз и начала спускаться ко мне. А я боюсь пчел, ос, шершней, вообще всяких насекомых. И я сделала нечто страшное. Поставила на нее сумку. Потом было поспешное отпевание и похороны под липами. Директор картины попросил ксендза, чтобы не было проповеди и речей над могилой. Нас ждала съемочная площадка. Как только я бросила ком земли, меня тут же посадили в машину. Длинный путь по жаре. И снова съемки. Кадры сельской свадьбы. Невеста. Смеющаяся. Танцующая. Расшалившаяся. И все время такое чувство, будто у меня перехватило дыхание. И эта пчела... Она настойчиво шла ко мне по каменному полу кладбищенской часовни... Я ее убила...

(Она садится в кресло. Какое-то время сидит молча.)

Значит, эта роль уже не для меня, госпожа директор? Спасибо за искренность. Не скрою, меня это удивило. Когда сегодня утром я прочитала распределение ролей, то вначале подумала, что произошла ошибка. Ибо рядом с ролью Леди Макбет не было моей фамилии... Она, конечно, была...

В самом конце! Я не поверила своим глазам. Решила, что это какая-то жестокая шутка. Чья? И что это распределение ролей будет заменено. И секретарша извинится передо мной. В течение дня я еще три раза подходила к доске объявлений. Но все оставалось по-старому. Потом еще раз. Снова то же самое. Какая-то шутка, я, кажется, даже громко сказала коллегам, что этот состав исполнителей поставлен с ног на голову или что-то в этом роде. Никто не засмеялся. Я пошла в примерную и заперлась там. *(Пауза.)* Смешно, но до сегодняшнего дня, я совсем не знала, как определяют возраст актрисы. А это очень просто. Не годы отсчитывают уходящее время, а роли. Девушки, женщины, старушки, статистки, дом ветеранов сцены. Когда был объявлен репертуар этого сезона, все в театре были уверены, что я снова буду играть Леди Макбет, как уже было дважды, двадцать лет назад и не так давно, при предыдущей дирекции. Понимаю, что у вас может быть другая концепция. Но дело в том, что моя коллега, которой вы, госпожа директор, доверили эту роль, тоже не девочка. Я ничего плохого о ней сказать не хочу, но она, если честно, довольно зрелая женщина. Выходит, что я уже слишком зрелая. «Старость – не детство», – как говорил великий польский актер Людвик Сольский. *(Пауза.)* Значит, забыли, как я играла Раневскую со страшной ангиной и много раз во время представления выбегала за сцену полоскать горло, лишь бы не завалить спектакль? Уже не помните, как перед каждым «Сном в летнюю ночь» мне делали блокаду позвоночника, и я летала в роли Пука по вашим знаменитым канатам и трапециям? И никого не интересовало, какими были мои ночи, когда блокада переставала действовать. Вы уже не помните, что королеву Предместья я играла до восьмого месяца беременности, сдавливая живот эластичным бандажом и танцуя каждый вечер, как сумасшедшая, потому что пьеса имела успех, шла на аншлагах, зрители валом валили. И я не хотела обмануть их надежд. *(Пауза.)* Зачем я это все говорю? Во всяком случае вы должны были понять, что меня ждет, когда вывесили распределение ролей... Какое это унижение. И вы даже не сообразовали меня предупредить. Я сегодня вообще не пришла бы в театр. Эти сочувственные и торжествующие улыбки моих подруг. Многословные выражения сочувствия и плохо скрываемого злорадства. Вы могли бы меня от этого избавить. Разве я заслужила такое отношение? *(Пауза.)* Так что? Для меня уже нет места в этом спектакле? Может быть, и в этой стране мне места нет? *(Пауза.)* Создалась совсем новая для меня ситуация. В любом случае я Придворную даму в «Макбете» играть не буду. Я уступаю эту «роль». За одно могу уступить все роли из нынешнего репертуара. Все до одной.

Дочь выходит и начинает лихорадочно упаковывать свои вещи. За стеной опять звучит музыка.

ДОЧЬ. Дети остались одни.

МАТЬ. Ничего с ними не случится.

ДОЧЬ. Я всегда за них беспокоюсь, когда они остаются так долго без присмотра. Дерутся. Просыпаются ночью. Могут испугаться.

МАТЬ. Они храбрые и умные.

ДОЧЬ. Становятся все больше распушенными и легкомысленными. Все время заняты компьютерными играми и мультфильмами.

МАТЬ. Должны же они чем-то заниматься, когда нас нет дома. Но они все понимают. А сегодня знают, что ты сдаешь важный экзамен.

ДОЧЬ. Жаль, что этого я не понимаю. И никакого экзамена не сдаю. Комиссия опаздывает.

МАТЬ. У тебя есть время до одиннадцати? Есть? Так жди! Не помнишь, как иногда приходилось часами ждать экзамена в театральной школе?

ДОЧЬ. Но я уже сдала магистерский экзамен, господин профессор, и была уверена, что уже не будет новых экзаменов.

Музыка за стеной замолкает.

Похоже, в соседней студии тоже закончили свое «audition». Кончилась их погоня за American Dream. *(Пауза.)* И нам тоже уже пора домой.

МАТЬ. Мы будем ждать до последней минуты. Тебе назначили прослушивание, так жди!

ДОЧЬ. Прослушивание? Да... Хорошо. Тогда послушай ты. *(Ставит стул в центре сцены. Подвигает к нему один из софитов. Садится в полосе света. Говорит сквозь слезы, истерично и на высоких тонах.)* Нет. Я не распространяла подпольную прессу. Эти листовки, которые вы у меня нашли, мне кто-то подбросил. Я вообще в тот день не выходила из дома. Что? Мне не знакома эта фамилия. Нет, я там в одиннадцать вечера не была. И не знаю этого адреса, вообще не знаю, где это. Я ничего не печатала. Вы мне не грозите! И не пугайте! Пожалуйста, могу сесть в тюрьму. Да. Его знаю. Мой коллега. Нет, ничего больше. А вам какое дело? Нет, с ним я не сплю. И с вами тоже не буду. Да, это его фотография. Не вижу, чтобы на этой фотографии он разбрасывал листовки. Может, он кормит голубей? Не скажу. Нет. Нет. *(Взволнована, растеряна.)* Я вовсе не спешу на сцену. Что вы говорите? Что Порембский хочет меня взять в свой новый фильм? Я так бы не смогла у него сыграть, потому что у него не играют. Ну, не играют и все. Ничего я не знаю о каком-то бойкоте. Никто мне о Порембском не говорил. Его просто не ценят как режиссера. Главная роль? А знаете ли вы, какой анекдот ходит об одном министре культуры? Фамилию не назову! Дело не в фамилиях, вы ведь наверняка читали «Маленького конспиратора», так же как и я... Это нелегальное издание? Тогда я его не читала! Вопрос отменяется. А хотите услышать этот анекдот? Так вот, этому министру на именины кто-то дарит книгу. А он на это: «Большое спасибо, в моей библиотеке уже есть одна книга, теперь будет две». Не смешно? Извините. Во всяком случае, я этим хотела сказать, что один раз я уже играла главную роль. Скорее всего, я откажусь от этих предложений. Да, подумать еще я могу. Поездка за границу? Нет. Меня это не интересует. Подумаю. Да. Времени теперь у меня много. *(Упавшим голосом, монотонно.)* Эти листовки дал мне Косецкий, Збигнев Косецкий. Они были напечатаны в подвале Яна Коперваса, адрес: Гарнцарская, 12. Именно Косецкий мне их и дал, и велел разбросать на остановке перед универмагом, на углу Костюшки и Червоной Армии. Со мной также были: Мачей Яворский, Щепан Бако, Виктор Зиммель и Рената Ольховская. Они тоже разбрасывали. Да, я их узнаю на фотографиях. На видеокассетах их тоже опознала. А это я. Да. Это я разбрасываю листовки. После того, как я оттуда убежала, то ночевала у Хелены Бартосик, улица Нарутовича, 35, квартира 9. Под утро тогда пришел Косецкий и заявил, что всех арестовывают, потому что сняли нас на видеопленку. Поэтому я не должна возвращаться домой и должна скрываться. И что он тоже уходит в подполье.

Косецкий остался с нами, у Бартосик, где мы пробыли втроем пять недель, все это время Бартосик жила с ним и я тоже. Потом он перешел в другое место, куда – я не знаю. А я переехала к Иоланте Зимовец, улица Почтова, 13, квартира 9. Я прожила у нее два месяца, не выходя из дома. Затем по приказу, полученному от Збигнева Косецкого, ночью пошла на улицу Пшодовдников Працы, 18, квартира 94, где должна была скрываться на явке у незнакомых мне людей и думала, что он тоже там будет. Но мне никто не открыл. Когда я вышла из парадной, то... *(Пауза.)* Збышек стоял у дверей. Я кинулась ему на шею. Мы начали целоваться. В этот момент мне кто-то положил руку на плечо. Я быстро обернулась. Вокруг стояли милиционеры. *(Пьяная. Смеется.)* А знаете ли вы, что говорил вчера Лютек в театральном буфете во время спектакля! Лютек? Ну, вы же помните, я вам о нем уже рассказывала. Вам ведь известно, что Лютек, не скрываясь, руководит подпольной «Солидарностью» в театре. Даже директор должен его слушаться. Серьезно. По стойке смирно перед ним стоит. Можно умереть со смеху. Нет, спасибо, я и так много выпила. Но если вы будете хорошо ко мне относиться, то я могу рассказать вам о... Да... Могу... Могу... Многое...

МАТЬ *(кричит)*. Сейчас же замолчи! Прекрати! Это неправда. Ты не могла так поступить!
ДОЧЬ. Могла.

МАТЬ. Ты никогда мне об этом не говорила. Ведь ты пошутила, правда? Ну, про эти доносы, скажи, что ты пошутила, что это актерская импровизация, да?

ДОЧЬ. Но я же не просто так получила заграничный паспорт. А дать взятку в долларах я не могла себе позволить.

МАТЬ. Этого не может быть... моя маленькая доченька. Скажи, что ты все выдумала...

ДОЧЬ. Нет, мамуля. Нет. Конечно, нет. Знаешь, когда меня прихватили с этими листовками, я страшно боялась только одного: что я расколуюсь и начну выдавать, потом что-нибудь подпишу, ну и превращусь в тряпку. Такое мне снилось в камере. Много раз. Кошмар. Даже здесь я вижу подобные сны. Ну ладно, ладно. Не расстраивайся. Я ничего такого не сделала. Просто ты меня, в конце концов, вытасила оттуда. Твоя популярность, красивые глазки, знакомства. Ты всегда была слишком добра для меня. *(Пауза.)* Ну, так пойдём домой. Хорошо?

МАТЬ. Нехорошо.

Пауза.

ДОЧЬ. Ты его долго намерена ждать?

МАТЬ. Пока он не придет. *(Пауза.)* Честно говоря, я давно не была на сцене. Здесь, конечно, не наш большой театральный зал в Польше... Но сцена – всегда сцена. Эти софиты... Может, мы еще когда-нибудь снимем эту студию и сыграем тут какой-нибудь спектакль? Здесь довольно приличная акустика. Уж в этом зальчике мы могли бы похозяйничать...

ДОЧЬ. Мама... Ты помнишь, как мы играли Оливию и Виолу? Моя первая большая роль, рядом с тобой ... Мы вместе на сцене... Я была совсем молоденькая, а ты тоже еще молодая... Это для меня был большой праздник... *(Убегает за ширму. Меняет юбку на брюки, какое-то время неотчетливо слышно, как она повторяет текст, который через минуту будет говорить громко. Выходит на сцену.)* Кто из вас достойная хозяйка этого дома?¹

МАТЬ *(неохотно начинает играть, прикрыв лицо шейным платком)*. Обращайтесь ко мне. Я отвечу за нее. Что вам угодно?

ДОЧЬ. Ослепительнейшая, прелестнейшая и несравненнейшая красавица, скажите мне, действительно ли вы хозяйка этого дома? Я никогда ее не видел, и мне не хотелось бы пустить по ветру свое красноречие: не говоря уже о том, что я сочинил замечательную речь, мне еще стоило немало труда вытвердить ее наизусть! – Милые красавицы, не вздумайте насмеяться надо мной: я очень обижаюсь, когда со мной неласково обходятся.

---

¹ В. Шекспир «Двенадцатая ночь, или Что угодно» (перевод Э. Линецкой.).

МАТЬ. Откуда вы явились, сударь?

ДОЧЬ. Мне трудно сказать что-нибудь сверх того, что я заучил, а этого вопроса нет в моей роли. Благородная дама, дайте мне хоть какое-нибудь доказательство того, что вы хозяйка этого дома, иначе я не смогу произнести свою речь.

МАТЬ. Вы – комедиант?

ДОЧЬ. Нет, мой пронизательный ангел красоты, хотя, клянусь клыками хитрости. Я действительно не тот, кого играю. Вы хозяйка дома?

МАТЬ. Если я не присваиваю себе своих собственных прав, то я.

ДОЧЬ. Конечно, присваиваете, если вы – это она, так как то, что вы можете отдать, вы уже не можете оставить при себе. Впрочем, я превышаю свои полномочия. Сейчас я произнесу похвальное слово в вашу честь, а потом перейду к сути дела.

МАТЬ. Начинайте с главного; похвалы можете опустить.

ДОЧЬ. Но я так старался их затвердить, и они так поэтичны!

МАТЬ. Значит, особенно лживы: оставьте их про себя. Мне сказали, что вы дерзко вели себя у ворот, и я впустила вас больше из желания увидеть, чем услышать. Если вы не в себе – уходите, если в здравом рассудке – будьте кратки. Я сейчас не расположена к препирательствам. Говорите, что вам угодно?

ДОЧЬ. Я посланец.

МАТЬ. Должно быть, вы посланы с бесчестным предложением, если вам так трудно изложить его. Приступайте к делу.

ДОЧЬ. Оно предназначено только для вашего слуха. Я не собираюсь объявлять войну или требовать дань: у меня в руках оливковая ветвь. Слова мои и намерения полны миролюбия.

МАТЬ. Однако начали вы с грубости. Кто вы такой? Чего вы хотите?

ДОЧЬ. Эта грубость рождена приемом, который мне здесь оказали. Кто я и чего хочу, должно быть окружено не меньшей тайной, чем девственность. Для ваших ушей – святое откровение, для посторонних – кошунство.

МАТЬ. Послушаем это откровение. Итак, сударь, что гласит текст?

ДОЧЬ. Очаровательнейшая властительница...

МАТЬ. Очень приятная доктрина, и развивать ее можно без конца. Где хранится подлинник текста?

ДОЧЬ. В груди у Орсино.

МАТЬ. В его груди? В какой именно части?

ДОЧЬ. Если быть точным, то в самой середине сердца.

МАТЬ. Я его читала: это ересь. Больше вам нечего сказать?

ДОЧЬ. Достоянная госпожа, позвольте мне взглянуть на ваше лицо.

МАТЬ. Ваш господин поручил вам вступить в переговоры с моим лицом? Вы явно отклонились от текста. Но мы отдернем занавес и покажем вам картину. Смотрите сударь, вот какова я сейчас. Правда, недурная работа? *(Открывает лицо.)*

ДОЧЬ. Превосходная, если это действительно дело рук божьих.

МАТЬ. Краска прочная, сударь: не боится ни дождя, ни ветра.

ДОЧЬ. Да, подлинно прекрасное лицо!

Рука самой искусницы природы

Смешала в нем румянец с белизной.

Вы самая жестокая из женщин,

Коль собираетесь дожить до гроба,

Не снявши копий с этой красоты.

МАТЬ. Что вы, сударь, я совсем не так бессердечна! Поверьте, я обязательно велю составить опись всех своих прелестей: их внесут в реестр и на каждой частице и принадлежности наклеят ярлык с наименованием. Например, первое – пара губ, в меру красивых; второе – два серых глаза и к ним в придачу веки; третье – одна шея, один подбородок... и так далее. Вас послали, чтобы оценить меня?

ДОЧЬ: Я понял вас: вы чересчур надменны,
Но, будь вы даже ведьмой, вы красивы.
Мой господин вас любит. Как он любит!
Будь вы красивей всех красавиц в мире,
Такой любви не наградить нельзя.

МАТЬ. А как он меня любит?

ДОЧЬ. Беспредельно.
Напоминает гром его стенанья,
Вздых опалает пламенем, а слезы
Подобны плодоносному дождю.

МАТЬ. Он знает, что я его не люблю.
Не сомневаюсь, он душой возвышен
И, несомненно, молод, благороден,
Богат, любим народом, щедр, учен, —
Но все-таки его я не люблю,
И это он понять давно бы должен.

ДОЧЬ. Люби я вас, как любит мой властитель,
С таким несокрушимым постоянством,
Мне был бы непонятен ваш отказ
И в нем я не нашел бы смысла.

МАТЬ. Да?
А чтоб вы сделали?

ДОЧЬ: У вашей двери
Шалаш я сплел бы, чтобы из него
Взывать к возлюбленной, слагал бы песни
О верной и отвергнутой любви
И распевал бы их в глухую полночь;
Кричал бы ваше имя, чтобы эхо
«Оливия!» холмам передавало:
Вы не нашли бы на земле покоя,
Пока не сжалились бы.

МАТЬ: Вам дано
Достигнуть многого... Кто родом вы?

ДОЧЬ. Я жребием доволен, хоть мой жребий
И ниже, чем мой род: я дворянин.

МАТЬ. Вернитесь к герцогу и передайте:
Я не люблю его. Пусть он не шлет
Послов ко мне. Вот разве вы зайдете,
Чтоб рассказать, как принял вас Орсино,
А это вам на память обо мне.
(Протягивает кошелек.)

ДОЧЬ. Я не посыльный. Спрячьте кошелек:
Не мне, а герцогу нужна награда.
Пусть камнем будет сердце у того,
Кто вам внушит любовь, пусть он отвергнет
С презрением холодным вашу страсть,
Как вы отвергли герцога Орсино.
Прощайте же, прекрасная жестокость!

(Дочь спускается со сцены и наблюдает за матерью.)

МАТЬ: «Кто родом вы?» — «Я жребием доволен,
Хотя мой жребий ниже, чем мой род:
Я дворянин». Клянусь, что это так!

Поступки, речи, движения, лицо –
Вот твой дворянский герб». «Спокойней, сердце!
Когда б слуга был господином... Боже!
Ужели так заразна эта хворь?
Я чувствую, что крадучись беззвучно,
Очарованье юного посланца
В мои глаза проникло... Будь что будет!

ДОЧЬ (*бурно аплодируя.*) Мама! Ты великая актриса! Ты меня страшно удивила. Я не думала, что ты так хорошо помнишь эту роль!

МАТЬ. Старые роли я помню прекрасно. Только в последнее время с трудом разучивала новые... Но теперь мне память ни к чему... Новых ролей уже не будет...

ДОЧЬ. Будут! Обязательно будут. И старые, и новые! Помню как после занятий в театральной школе, я бежала в театр, чтобы посмотреть конец «Макбета» и подглядывала из-за кулис, как ты играешь сцену безумия. Билетер меня пропускал. Да и ассистент режиссера не выгонял тоже. Я смотрела на тебя. И всегда у меня перехватывало дыхание. А потом я убегала, чтобы ты, сходя со сцены, не увидела моих слез...

МАТЬ. Я не знала... И в самом деле ты специально приходила...? Ты плакала... Ты никогда мне об этом не говорила.

ДОЧЬ. Мне было стыдно. Я не хотела, чтобы ты знала, что я многое перенимаю у тебя, как стараюсь подражать тебе... Мне хотелось, чтобы ты считала меня более способной, чем я была на самом деле... Мама... Сыграй для меня эту сцену. Твою великую сцену Леди Макбет. Видишь, теперь уж я не стыжусь просить тебя об этом. Может, я когда-нибудь тоже сыграю Леди Макбет так же как ты...

МАТЬ. Ты сыграешь лучше. А я, пожалуй, уже не помню текста... Столько лет прошло.

ДОЧЬ. Могу тебе суфлировать. Ведь наблюдая за тобой столько раз, я выучила эту сцену наизусть. Ну, помнишь: Пятно не сходит...

МАТЬ (*без выражения*). Пятно не сходит...

ДОЧЬ. Прочь, проклятое пятно, прочь, говорю я тебе!

МАТЬ. Прочь, проклятое пятно, прочь, говорю я тебе!

ДОЧЬ. Час, два – теперь пора за дело! Что? В аду темно?

МАТЬ. Час, два – теперь пора за дело! Что? В аду темно? (*Помедлив, выходит на середину сцены.*)

ДОЧЬ. Пятно не сходит...

МАТЬ. Пятно не сходит. Прочь, проклятое пятно, прочь, говорю я тебе! Час, два – теперь пора за дело! Что? В аду темно? Стыдись, супруг! Ты же воин! Не робей! Чего нам бояться, что об этом узнают! Власть будет наша, и никто не посмеет призвать нас к ответу. Ну кто бы подумал, что в старике столько крови! У тана файвского была жена, где она теперь? Неужели эти руки никогда не станут чистыми? Довольно, государь, довольно: если вы не перестанете дрожать, все пропало. Эта маленькая ручка все еще пахнет кровью. Всем благовониям Аравии не отбить этого запаха. О – о – о! Вымой руки, надень халат и не будь так бледен. Повторяю: Банко похоронен, ему не встать из могилы. Ложись, ложись, в ворота стучат. Идем, идем, идем. Дай руку. Что свершено, то свершено. Ложись, ложись. Ложись.¹

(*Длинная пауза. Мать возвращается к действительности. Медленно идет к стулу, стоящему сбоку. Садится. Начинает тихо плакать. Дочь подбегает к ней. Какое-то мгновение она не знает, что делать. Потом садится у ног Матери.*)

ДОЧЬ. Мама? Я не собиралась тебя волновать... Я не хотела сделать тебе больно...

МАТЬ. Плакса. Я плакса, да? Из-за какой-то глупости... Из-за того, что я уже никогда не сыграю Леди Макбет... Было бы из-за чего... Не буду. Видишь? Обещаю. Сжать зубы.

---

¹ В. Шекспир. «Макбет» (перевод Ю. Корнеева).

Знаешь, что сегодня случилось у меня на работе? (*Справляется с рыданиями, которые постепенно переходят в смех.*)

Сегодня моя хозяйка велела, чтобы я не ехала с ее чадом в школу, а также не выходила за покупками, она сама отвезет ребенка, и оттуда сразу же поедет на работу, а мне надлежит ждать дома бригаду рабочих, которые должны переставить рояль. Огромный концертный рояль, его мои хозяева недавно купили своему отпрыску, а он только начал учиться играть. Похоже, что они считают, что, чем больше рояль, тем быстрее ребенок научится играть. Так вот, всего лишь два дня назад бригада из четырех громил внесла рояль и поставила его в гостиной. Но моя хозяйка неожиданно решила, что он стоит слишком близко к стене, поэтому его надо переставить. Почему бы нет, места предостаточно. Знаешь, метраж одной этой гостиной больше, чем вся наша квартира в Польше. Я говорю – одной гостиной, ибо есть еще и вторая, не считая столовой, бара и family room, а также кухни с подсобными помещениями и двух ванн на первом этаже, к тому же наверху еще несколько комнат и ванн. Значит, мне ждать грузчиков? Но не сидеть же без дела.

Итак, за работу.

Когда я включаю посудомоечную машину, то одновременно репетирую прекрасную сцену из «Кухни» Уэскера: «Твое место у кухонной раковины с грязными кастрюлями!» Я играю Ферту, повариху и эти слова адресовала, ругаясь, одному из официантов, который без дела болтался в кухне: «Твое место у кухонной раковины с грязными кастрюлями». А теперь это можно было сказать мне. Когда я засовываю грязное белье в стиральную машину, в моих ушах звучат слова прачек, которые я слышала, играя Анну Ливию в пьесе Джойса: «Стирай, не брызгай и не ворчи. Посмотри на эту вонь! Посмотри на эту грязь!» Когда я выношу мусор, то слышу шелест листьев из «Ноябрьской ночи»: «Роз нет, розы умерли; стебли цветов засохли, промчавшиеся вихри стерли их в пыль». Когда я мою ванну, мне вспоминается мой текст Старой Женщины: «Канализационные воды соединились с родниками. Ручьи высохли. Реки, озера, моря и океаны загрязнены». А уж когда готовлю, то само собой повторяю: «Нам положено готовить, сластить и родить. Бесперывно. Готовить, сластить и родить». Тоже Ружевиц. Мудрец.

Звонок. Я еще при Джойсе. Иду к двери. Сначала, естественно, смотрю на монитор, на котором картинка, которую фиксирует телекамера у входа в дом. Четверо подозрительных громил, среди них трое негров. Спрашиваю их через домофон, кто такие. Бригада, которая должна перенести рояль. Ага. Нажимаю на кнопку и выпускаю их. Через минуту они у дверей. Смотрю через глазок: выглядят устрашающе. Но что я могу поделать? Открываю, а сама стою в дверях с поднятой головой, как Жанна Д'Арк перед битвой. Но они, войдя в дом, тут же послушно снимают ботинки, чтобы не испачкать паркет, улыбаются и в носках направляются в гостиную. Сами знают, куда идти. Я их сопровождаю. Они тут же берутся за рояль, передвигают легко, как перышко, всего на несколько сантиметров. Снова улыбаются. Белый вынимает из кармана счет и просит подписать, что работа выполнена. Сто шестьдесят долларов. Четыре раза по сорок за каждый час работы. Их четверо. Сто шестьдесят. Все правильно. Правда, они занимались роялем всего несколько секунд. Неплохо. Но ведь плачу не я. Моя хата с края. Я беру у него счет жестом Любови Андреевны Раневской из «Вишневого сада», что мне до того, сто там или двести долларов, даже тысяча... В это время раздается звонок в дверь. «Господа, прошу меня извинить, – говорю я надменно, – я как раз жду важных известий из Одессы»... Они остолбенели.

Что за день! На мониторе три марсианина. Настоящих. В белых комбинезонах и белых шлемах. Сзади белый van¹ с надписью Extermination Company. Приехали меня экстерминировать? Но один марсианин объясняет, что сегодня они должны травить муравьев. Муравьев? Ах, да, хозяйка мне говорила, что видела трех муравьев в шкафчике в кладовке. Дом в лесу, поэтому зимой приходят муравьи. Нормально. Но я не знала, что

---

¹ Van (анг.) – фургон.

их будут травить сегодня. «Абсолютно ничего об этом не знаю», – я говорю это подчеркнуто с удивлением, словно играю императрицу Агриппину. Но марсианин подносит к телекамере какую-то бумагу и говорит, что у него так написано. Отвечаю твердо, как пани Дульская: «Минуту, сейчас узнаю!» Подхожу к телефону в коридоре, набираю номер секретарши моей хозяйки и говорю так убедительно, как влюбленная Розалинда, что очень срочно и меня надо обязательно соединить. Секретарша прониклась и соединяет. Хозяйка занервничала. Что случилось? Ничего не случилось, только Extermination Company ждет у ворот. «Я забыла тебе сказать. Это из-за муравьев. Впусти их». Бросает трубку.

Впускаю марсиан через калитку. Идут. Три индуса. Их шлемы оказались белыми тюрбанами. Я страшно близорукая. Впускаю их в дом. Показываю, где кладовка. – «Но из шкафчиков должно быть все убрано. Хозяйка тебе не говорила?» – «Черта с два она говорила!» – Говорю любезно как королева Убю. «Ну, так мы подождем», – заявляет спокойно, как настоящий йог, их начальник. – «А пива у тебя баночки не будет?» – добавляет он, мягко улыбаясь. Молча показываю им путь в гостиную. Иду к холодильнику. Вынимаю коробку «Молсона». Несу. А в гостиной в центре ковра явно выросла баррикада. Индусы сидят на одном диване, а негры на другом. Индусы молчат. Негры хохочут. Индусы словно аршин проглотили. Негры веселятся. Белый сидит отдельно, что-то считает и не обращает на цветных внимания. Негры, похоже, что-то говорят о тюрбанах индусов и покатываются со смеху. Индусы сидят бледные и мрачные. Еще мне тут не хватает межрасовых разборок. Вхожу в роль добродушной Климины, поворачиваюсь и с грубовато-веселым смехом приношу вторую коробку пива. Ставлю пиво на пол с двух сторон гостиной: отдельно для бригады от рояля и отдельно для истребителей муравьев. Лучше пусть пьют, чем начнут стрельбу.

Иду в кладовку. Я присела у шкафчика, как вдруг, не видение ли это? Нет! Я вижу верхний конец стремянки, которую кто-то подставляет к окну с улицы. Я нахожусь на первом этаже, но дом стоит на высоком фундаменте. Вижу желтые руки на ступеньках лестницы, и появляется лицо человека! Человека на лестнице! Взломщик! Убийца!

Я выскакиваю из кладовки и бегу к телефону, с трудом прорываюсь через секретаршу и кричу хозяйке, что видела взломщика за окном. Хозяйка меня не понимает, а когда, наконец, соображает, о чем я говорю, то тоже кричит, чтобы я немедленно успокоилась, потому что уже с утра бригада моет окно снаружи дома. Китайцы. Солидная фирма. Их нечего бояться.

Я возвращаюсь в кладовку. Открываю очередной шкафчик. Полно муравьев. Уж больно большие. Покрупнее польских. Захлопываю дверцу, чтобы они не вылезли. Желтый за окном на лестнице стучит по стеклу и вежливо просит пива. Я беру сразу целую коробку. Открываю окно. Мне в уши бьет шум моторов, это далеко, у изгороди, группа из трех садовников в большие трубы втягивают листья – у них за спиной моторчики, которые приводят в движение их пылесосы. О них я тоже не знала. Они поворачиваются и смотрят, как я подаю пиво китайцам. Еще не хватало, сейчас тоже начнут просить. Я захопываю окно, но вижу, что садовники идут ко мне через сад. Нет, это не садовники! Это три польских милиционера в длинных зимних шинелях, в касках, с противогазами на ремнях, с автоматами на плечах, так, как ходили во время военного положения. Они идут прямо на меня, а у меня нет паспорта. Похоже, сейчас задержат.

Неожиданно в доме включается сигнализация. Пульсирующий вой. Это значит, что кто-то открыл ворота или перелез через каменную ограду. Внезапно начинает выть вторая сирена. Это значит, что прервана сеть, контролирующая дом. Жутко пульсирующий вой на два голоса. Высокий писк сигнализации ограды и низкий гул сигнализации дома. Я выбегаю на крыльцо. В это время на газон в центре сада, не обращая внимания на весь этот жуткий шум, спокойно входят две пасущиеся косули. Их спокойствие потрясает: щиплют травку, время от времени поднимая головы, никуда не убегают. У ворот появляется полицейская машина с мигалкой. Она приехала из-за сработавшей

сигнализации. В доме звонит телефон. Это хозяин с другой стороны континента, из офиса своего филиала в Калифорнии говорит взволнованным голосом, что ему минуту назад звонили из телефонной станции и сказали о включившейся сигнализации нашей ограды и дома. «Что там происходит?» – «Не знаю!» Просто понятия не имею. Чувствую себя беспомощной.

Обе сирены воют. Звонок от калитки. Это полицейские. Двое в темно-синих мундирах. Одновременно три милиционера в синих шинелях появляются из-за угла дома. Они входят на крыльцо. Начинают стучать в дверь. В руке одного из них лом! Что мне делать? Открыть калитку полицейским? Открыть дверь милиционерам? Забаррикадироваться? Ведь я работаю нелегально. У меня с собой нет паспорта. Меня арестуют и те, и другие. И полицейские, и милиционеры. Стучат в дверь. Звонки. Арест? Тюрьма? Депортация? Расстрел?

ДОЧЬ. Мама! Перестань!

МАТЬ. На улице останавливается второй полицейский автомобиль с мигалкой на крыше, из него выходят еще двое. С собаками! Тревога! Тревога для всех нелегальных эмигрантов! Их выселят. Тревога для всех эмигранток! Их выловят. Тревога для всех не имеющих права работать! Прячьтесь! Тревога! Воют сирены. Звонки. Смех. Тревога. Вой. Тревога. Вой...

ДОЧЬ. Мама! Перестань! Перестань!

(Тот же самый монолог Матери в полной версии.)

Сегодня моя хозяйка велела, чтобы я не ехала с ее чадом в школу, а также не выходила за покупками, она сама отвезет ребенка и оттуда сразу же поедет на работу, а мне надлежит дома ждать бригаду рабочих, которые должны переставить рояль. «Какой рояль?» Конечно, огромный концертный рояль, который мои хозяева купили своему отпрыску, а он только недавно начал играть. Похоже, что они считают, что чем больше рояль, тем быстрее ребенок выучит ноты. Так вот, всего лишь два дня тому назад бригада из четырех громил внесли рояль, и поставили его в гостиной. Но моя хозяйка неожиданно решила, что он стоит слишком близко к стене, поэтому его надо переставить. Почему бы и нет, места предостаточно. Знаешь, метраж одной этой гостиной больше, чем вся наша квартира в Польше, которая тоже считается не маленькой. Я говорю – одной гостиной, ибо есть еще и вторая, не считая столовой, бара и family room, а также кухни с подсобными помещениями и двух ванн на первом этаже, а к тому же наверху еще несколько комнат и ванн. Значит, мне надо ждать грузчиков, чтобы они переставили рояль. «Куда они должны его поставить?» – «Они уже знают» – объяснила мне хозяйка по телефону. Ждать. Но не сидеть же без дела.

Конечно, раковина была полна объедков, посудомоечная машина даже не распакована, около стиральной машины лежала куча грязного белья, помойные ведра были полны, а в ванной комнате моих хозяев стояла вода. Словно какие-то свиньи купались вчера в джакузи. А к тому же еще надо приготовить какой-нибудь обед, чтобы все было готово, когда они вернуться домой. Итак, за работу.

Когда я включаю посудомоечную машину, то одновременно репетирую прекрасную сцену из «Кухни» Вескера: «Твое место у кухонной раковины с грязными кастрюлями!» Я играла Бертю, повариху и эти слова адресовала, ругаясь, одному из официантов, который без дела болтался в кухне: «Твое место у кухонной раковины с грязными кастрюлями». А теперь это можно было сказать мне. Когда я засовываю грязное белье в стиральную машину, в моих ушах звучат слова прачек, которые я слышала, играя Анну Ливию в пьесе Джойса: «Стирай, не брызгай и не ворчи. Посмотри на эту вонь! Посмотри на эту грязь! Я знаю все места, которые загадил этот старый хрыч». Когда я выношу мусор, мне вспоминается мой текст Старой Женщины: «Канализационные воды соединились с родниками. Ручьи высохли. Реки, озера, моря и океаны загрязнены». А уж когда готовлю, то само собой повторяю: «Нам положено готовить, сластить и родить. Бесперывно. Готовить, сластить и родить». Тоже Ружевиц. Мудрец.

Звонок, я еще при Джойсе. Иду к двери. Сначала, естественно, смотрю на монитор, на котором картинка, ее фиксирует телекамера у входа в дом. Четверо подозрительных громил. Спрашиваю их через домофон, кто такие. Бригада, которая должна перенести рояль. Ага. Нажимаю на кнопку и впускаю их. Через минуту они у дверей. Смотрю через глазок, и мне что-то не нравится: четыре бугая, в том числе три негра, выглядят устрашающе. Но что я могу поделать? Открываю, а сама стою в дверях с поднятой головой, как Жанна Д'Арк перед битвой. Но они, войдя в дом, тут же послушно снимают ботинки, чтобы не испачкать паркет, улыбаются и в носках направляются в гостиную. Сами знают, куда идти. Я их сопровождаю. Они тут же берутся за рояль, передвигают легко, как перышко, всего на несколько сантиметров. Снова улыбаются. Белый вынимает из кармана счет и просит подписать, что работа выполнена. Сто шестьдесят долларов. Так, так, смотрю на счет. 4 раза по 40 за каждый начатый час работы. Их четверо. 160. Все правильно. Но ведь плачу не я. Моя хата с края. «Разве настолько надо было передвинуть? – спрашиваю я. – Мне казалось, что на другой конец салона». – «Нет, только так, ваша хозяйка нам все объяснила по телефону», – важно заявляет белый. Я беру у него счет жестом Любови Андреевны Раневской из «Вишневого сада», что мне до того, сто там или двести долларов, даже тысяча... В этот момент звонит телефон. «Господа, прошу меня извинить, – говорю я надменно. – Я как раз жду важных известий из Одессы...» Они остолбенели. Выхожу, вежливо склонив голову. Выйдя из салона, бегу к телефону.

Хозяйка мне велит всегда подходить к телефону и слушать, она ли это мне звонит или хозяин – а если нет, трубку не снимать и дать записать на автоответчик. Но к телефону я обязана подходить в любом случае. Поэтому я бегу. И тут звонок от входа в дом. Ну. Так я свернула к монитору. На экране две женщины в больших шляпах. И голос писклявый, что у них договоренность с хозяйкой о переоборудовании дома. «Мне ничего абсолютно об этом неизвестно». Говорю я с искренним удивлением, словно играю императрицу Агриппину. А они, что пришли по вызову, что госпожа, похоже, забыла, что их фирма называется так и так, что их фамилии такие-то, а если я их не впущу, то они и так пришлют счет за визит и потерянное время. Ну, уж нет, хозяйка может вычесть у меня эти деньги! Жму на кнопку. Вижу, как они идут. Сразу же открываю входную дверь и бегу к телефону в кухне. Но уже включился автоответчик. Это хозяйка! Очень взволнованная, что я не поднимаю трубку, ведь она мне велела ждать бригаду для переноса рояля. Куда подевалась? И велит, чтобы кто-нибудь из бригады ей позвонил, как только они приедут, ибо она изменила свое решение по поводу переноса рояля. Я хватаю трубку. Но уже поздно.

Я иду к грузчикам и говорю белому, чтобы он позвонил в офис к хозяйке, потому что она хочет поставить рояль иначе. Веду его к телефону в кухне. Женщины уже вошли. Слышу, что они ходят по всему дому. Бегу к нему, ибо нельзя чужих оставлять одних. Но ведь у меня негры в гостиной. Поэтому я сначала заглядываю к ним. Сидят втроем на диване. Я включила Элизу из «Пигмалиона» и говорю с ними на жаргоне из «North-Eastern Islington», пытаюсь опуститься до их уровня, что, впрочем, у меня плохо получается, и обещаю принести пива. На мой акцент они реагируют с удивлением, но, услышав про пиво, благосклонно улыбаются. Женщин вылавливаю в спальне. Они как раз в этот момент старательно меряют стены и спорят о цвете обоев. Бегу в кухню и вынимаю из холодильника пиво, там белый грузчик разговаривает с моей хозяйкой по телефону. Иду к неграм с пивом, а белый меня зовет к телефону, хозяйка что-то хочет сказать. Возвращаюсь. Хозяйка меня ругает, что я не подняла трубку, когда она звонила. Где я была? «Была с бригадой». – «Которая переносила рояль?» – «Нет, с дамами-дизайнерами». – «Что? Я ведь с ними договорилась на завтра. Ты ихпустила? Мне надо с ними поговорить, позови их к телефону». Иду за женщинами, зову к телефону и веду на кухню. Слышу, что они сразу начинают спорить с хозяйкой по поводу их прихода сегодня. Наверняка назначили им на сегодня, потому что моя госпожа всегда все забывает. Но это их дело. Беру пиво и иду к неграм. Развалившись, сидят на диване, жуют жвачку. Белый в

кресле. А рояль уже стоит на другой стороне гостиной, похоже, хозяйка снова велела его переставить. Кончили работу, но ждут обещанного пива. Я ставлю на столик целую коробку. Берут банки и небрежно просят орешков. Ага, это значит, что мне надо сделать им по сэндвичу. Действительно, наступает пора ланча. В кухне бабенки по очереди ведут длинный разговор с хозяйкой. Они уже договорились, что встреча должна была состояться сегодня, а поскольку они не могут придти завтра, то все обговаривают по телефону, цвет обоев, занавески в computer room, что-то еще, не знаю.

Звонок! Снова? Что за день. На мониторе три марсианина. Настоящих. В белых комбинезонах и белых шлемах. Сзади белый van с надписью Extermination Company. Я не верю своим глазам. Приехали меня экстерминировать? Но один из марсиан объясняет, что сегодня они должны травить муравьев. Муравьев? Ах, да, хозяйка мне говорила, что видела трех муравьев в шкафчике и пригласила людей для их истребления. Дом в лесу, потому зимой приходят муравьи. Нормально. Но я не знала, что их будут травить именно сегодня. Говорю об этом марсианину. Но марсианин подносит к телекамере какую-то бумагу и говорит, что у него так написано и я немедленно должна их впустить. Отвечаю твердо, как пани Дульская: «Минуту, сейчас узнаю!» В кухне все еще болтают дизайнерши. Поэтому я иду к другому телефону, к другой линии, набираю номер секретарши хозяйки и говорю так убедительно, потому что знаю, хозяйка сейчас разговаривает по телефону, но это «emergency» из дома, нечто очень важное, надо ее прервать, а меня обязательно соединить. Секретарша прониклась и соединила. Хозяйка занервничала. Что случилось? Ничего не случилось, только Extermination company ждет у ворот. – «Я забыла тебе сказать. Это из-за муравьев. Впусти их». – Бросает трубку. Да, ей, конечно, со мной тоже нелегко. Слышу, как дамочки снова начинают кудахтать.

Впускаю марсиан через калитку. Идут. Три индуса. Их шлемы оказались белыми тюрбанами. Я страшно близорукая. Впускаю их в дом. Показываю, где кладовка. «Но из шкафчиков должно быть все убрано. Хозяйка тебе не говорила?» «Черта с два она говорила!» Я говорю нелюбезно, как королева Убю. «Ну, так мы подождем», – заявляет спокойно, как настоящий йог, их начальник. «А пива у тебя баночки не будет?» – добавляет он, мягко улыбаясь. Молча показываю им путь в гостиную. Иду к холодильнику. Вынимаю еще одну коробку «Молсона». Несу. На диване трое негров громко разговаривают. В кресле белый что-то считает на калькуляторе. Индусы втроем на втором диване. Недвижимы и мрачны. Негры уже выжрали по три пива и, чавкая, доедают сэндвичи. Ага. Надо и индусам выдать по бутерброду. Тут, в гостиной, за ними надо присматривать, а из кухни принести еду. Похоже, придется раздвоиться.

Возвращаюсь в кухню. Быстренько бросаю ветчину, салат и сыр на булку. Мажу майонезом. Дамочки сейчас спорят с хозяйкой по поводу цвета занавесок в комнате для гостей. А там, в центре ковра явно выросла баррикада. Индусы сидят на одном диване, а негры на другом. Индусы молчат. Негры хохочут. Индусы словно аршин проглотили. Негры веселятся. Индусы высокомерны. Негры резвятся. Белый сидит отдельно, стучит в калькулятор и не обращает на цветных внимания. Негры, похоже, что-то говорят о тюрбанах индусов и покатываются со смеху. Индусы сидят бледные и мрачные. Еще мне тут не хватает межрасовых разборок. Вхожу в роль добродушной Мамаши Кураж, поворачиваюсь и с грубовато-веселым смехом приношу следующие две коробки пива. Ставлю их на пол с двух сторон гостиной: отдельно для бригады от рояля и отдельно для истребителей муравьев. Лучше пусть пьют, чем начнут стрельбу. Иду в кладовку и вынимаю все содержимое шкафчиков. Дизайнерши все еще висят на телефоне, то одна, то другая что-то кудахчет. Я присела у шкафчика в кладовке, как вдруг... не видение ли это? Нет! Вижу верхний конец стремянки, которую кто-то подставляет с улицы. Я нахожусь на первом этаже, но дом стоит на высоком фундаменте. Вижу желтые руки на ступеньках лестницы и появляется лицо человека! Да. Кто-то на лестнице! Взломщик! Убийца!

Выскакиваю из кладовки и бегу к телефону на кухне, вырываю трубку у болтуни и кричу хозяйке, что видела взломщика на лестнице за окном. Мадам меня не понимает, а когда,

наконец, соображает, о чем я говорю, раздраженно кричит, чтобы я немедленно успокоилась, потому что уже с утра бригада моет окна снаружи дома. Она сама впустила их через калитку. Рабочие должны работать весь день, о чем она мне не сказала. Ругает меня, говорит, что я не интеллигентная особа, и велит дать трубку дизайнершам. Даю. Иду в ванную у кухни, но она занята. Вторая у гостиной тоже. На парней, должно быть, подействовало пиво. Взбираюсь по лестнице на второй этаж, к ванной комнате рядом с детской. Открываю дверь – а там в ванне сидит водопроводчик; на полу разбросаны инструменты. Улыбается мне и что-то говорит. Я не понимаю. Хлопаю дверью. Так я хлопала дверцей шкафа в «Грабеже у ювелира» Фодора, обнаружив в нем вора. С ума можно сойти. Вероятно, водопроводчик тоже работает с самого утра, и хозяйка мне ничего не сказала. Иду в ванную рядом со спальней хозяйского сына. Только села на унитаз, как слышу какой-то страшный грохот в ванной хозяев. Приоткрываю дверь. Вижу, что двое мужчин долбят стену между ванной и коридором. Ага, да, должны были пробить новую дверь, чтобы хозяйке было ближе из спальни в computer room. Ничему уже не удивляюсь. Возвращаюсь в коридор.

В окне лестничной площадки человек. Похоже, китаец. Стучит мне. Это кто-то из бригады мойщиков окон. Улыбается и просит дать ему пива. Иду вниз. За пивом. Отношу китайцу, подаю ему через окно. Берет и низко кланяется, что, несомненно, нелегко сделать человеку, стоящему на стремянке. Оцениваю его старания и оплачиваю ему прекрасным китайским поклоном Шен-Те. Он тоже откланивается. Я делаю то же самое. Так мы друг другу кланяемся, вежливо улыбаясь. Хоть какое-то развлечение. Ну, хватит. Закрываю окно. Возвращаюсь в кладовку. Открываю очередной шкафчик. Полно муравьев. Уж больно большие. Покрупнее польских. Захлопываю дверцу, чтобы они не вылезли. Открываю вторую. А там белые морские свинки хозяйского сыночка. Пусть их экстерминируют, меня это не касается. Закрываю. Открываю следующий шкафчик. Бабушкин кот в ящике с отверстиями. Мяучет. Мать хозяйки уехала во Флориду и оставила ей кота. Машинально его закрываю. Пусть тоже отравят. Человек за окном на лестнице просит еще пива. Иду к холодильнику. Беру сразу целую коробку. Возвращаюсь в кладовку, открываю окно и передаю мойщику коробку. Мне в уши бьет шум моторов, это далеко, у изгороди, бригада из трех садовников в большие трубы втягивает листья – у них за спиной моторчики, которые приводят в движение их пылесосы. О них я тоже не знала. Они поворачиваются и смотрят, как я подаю пиво мойщикам окон. Еще не хватало, сейчас тоже начнут просить. Мойщик берет коробку и, похоже, говорит мне что-то неприличное, но я его не очень понимаю. Краснею на всякий случай как Анеля из пьесы Фредро и захопываю перед его носом окно. И вижу, что садовники направляются ко мне через сад, естественно, за пивом. Нет, нет, это не садовники. Это три польских милиционера в длинных зимних шинелях, в касках, с противогазами на ремнях, с автоматами на плечах, так они ходили во время военного положения. Я прижимаю нос и лоб к стеклу, не веря своим глазам, но вот они, там, идут прямо на меня, а у меня при себе нет польского паспорта! Они меня задержат! Неожиданно мне плещут в лицо. Это снаружи кто-то полил стекло. Все расплывается. Слышу громкий хохот. Сад покрылся подтеками зеленой жидкости для мойки окон, медленно стекающей по стеклу. Не вижу уже ни милиционеров, ни садовников. Может, мне все это только показалось?

В этот момент раздается звонок от калитки. Иду по коридору в сторону монитора. Неожиданно из ванны передо мной появляется мавр. Какой-то очень высокий. Это Отелло! Протягивает ко мне руки. Наверняка меня сейчас задушит. Я от неожиданности замерла. Снова звонок от калитки. И почти одновременно звонок телефона, вызывает вторая линия. Куда мне идти – к монитору или телефону? Путь к монитору преграждает мавр. Выбираю телефон. Глуповато улыбаюсь мавру, как Офелия, когда она сошла с ума, и осторожно пчусь спиной, все время наблюдая за ним.

Неожиданно в доме включается сигнализация. Пульсирующий вой. Это значит, что кто-то открыл ворота или перелез через каменную ограду. За окнами зажигаются сигнальные

огни. Пасмурно, и хотя еще светло, но видны острые тени кустов на газоне. Внезапно начинает выть вторая сирена. Это значит, что прервана сеть, контролирующая дом. Ужасно пульсирующий вой на два голоса. Высокий писк сигнализации ограды и низкий гул сигнализации дома. Отелло направляется ко мне. Я проскакиваю под его рукой и бегу к входной двери. Выбегаю на крыльцо. В это время на газон в центре сада, не обращая внимания на весь этот ужасный шум, спокойно входят две пасущиеся косули. Их спокойствие потрясает: они щиплют травку, время от времени поднимая головы, никуда не убегают. Смотрю на них и изо всех сил беру себя в руки. Возвращаюсь в дом. Отелло уже, к счастью, нет. Прислоняю лоб к холодной металлической рамке глазка в двери. Вижу, как за воротами появляется полицейская машина с мигалкой. Они приехали из-за сработавшей сигнализации. Звонит телефон. Это хозяин с другой стороны континента, из офиса своего филиала в Калифорнии говорит взволнованным голосом, что ему минуту назад звонили из телефонной станции и сказали о включившейся сигнализации нашей ограды и дома. – «Что там происходит?» – «Не знаю!» – Просто понятия не имею. Чувствую себя беспомощной. Кладу трубку, хотя он еще что-то мне говорит. Прислоняюсь к стене.

Я и в самом деле не знаю, что происходит. Обе сирены воют. Смотрю через окошко возле дверей. На улице, за полицейским автомобилем останавливается желтый школьный автобус. Это хозяйский сын возвращается с занятий. Я должна его встретить у ворот, взять за руку, как только он выйдет из автобуса, и сразу же войти с ним в дом, а то его кто-нибудь может похитить, но я не могу двинуться с места. Над домом с грохотом пролетает идущий на посадку самолет. Звонит телефон. Вероятно, хозяйка. Звонок от калитки. Это звонят полицейские. Двое в темно-синих мундирах. Одновременно три милиционера в синих шинелях и серых касках появляются из-за угла дома. Они входят на крыльцо! Начинают стучать в дверь. В руках одного из них появляется лом! Что мне делать? Открыть калитку полицейским? Открыть двери милиционерам? Забаррикадироваться?

Ведь я работаю нелегально. У меня с собой нет паспорта. Меня арестуют и те, и другие. И полицейские, и милиционеры. Стучат в дверь. Звонки. Арест? Тюрьма? Депортация? Расстрел?

Звонки. Сирены. На улице останавливается второй полицейский автомобиль с мигалкой на крыше, из него выходят еще двое. С собаками! Тревога! Тревога для всех нелегальных эмигрантов! Их выследят! Тревога для всех, не имеющих права работать! Прячьтесь! Тревога! Из гостиной слышен смех негров и индусов. Китаец стучит в окно. На втором этаже вырубает стену. Кудахтанье дизайнерш. Вой сирен. Звонки. Смех. Сирены. Вой. Тревога! Тревога...

Дочь трясет мать, обнимает, сажает на стул, прижимает к себе.

ДОЧЬ. Ты мне никогда об этом не говорила. О таких... страхах... Боишься? Я тоже каждый вечер боюсь, когда иду на ночное дежурство... Все боятся. Ну, ну, все хорошо. Перестань... Ты это помнишь: двенадцать негрят пошли купаться в море. Двенадцать негрят гуляли на просторе. Один из них утонул, ему купили гроб. И вот вам результат: сколько негрят?

МАТЬ. Одиннадцать!

ДОЧЬ. Прекрасно!

ДОЧЬ. А помнишь это? *(Напевает колыбельную.)*

Баю-баюшки, баю,
Не ложися на краю,
С краю свалишься,
Напугаешься...

МАТЬ. Помню. А это ты помнишь? *(Напевает.)*

Люли, люли-люленьки,
Прилетели гуленьки,

Стали гули говорить,
Как нам дитю усыпить.

ДОЧЬ. Защити меня, мама.

МАТЬ. Люли, люли-лю-леньки...

(Слышен пронзительный звонок телефона. Женщины какое-то время смотрят друг на друга. Потом Дочь нехотя идет за кулисы.)

ДОЧЬ. Yes... Speaking, well... What should I say? What fuck you! Yes, I said: fuck you! Fuck you!

Слышен какой-то шум за сценой, словно барабанная дробь. Дочь возвращается, неся в руках два куска какого-то сломанного столика.

Он взял на эту роль кого-то другого! *(Становится на колени и начинает бить двумя палками по столу, стоящему в центре сцены.)* Bastard. Bastard. Маленький chauvinist pig!

Он вообще не придет!

МАТЬ. Не может быть!

ДОЧЬ: *(Продолжает выбивать на стуле бешеную дробь.)* Он потому и опоздал, что у него было другое audition, раньше! В другой студии, ниже этажом. Конечно, он врал, что звонит из машины и едет к нам! Прослушивал других кандидатов, говорящих по-английски! А я была на всякий случай, если бы он никого не нашел. Но он нашел. И я ему уже не нужна. Даже не извинился! Хам!

МАТЬ. Только не плачь!

ДОЧЬ. Не буду. Нет. *(Продолжает выбивать дробь.)*

МАТЬ. Знаешь что... *(Смотрит на Дочь, потом бежит к коробке с гримом и приносит губку с темной краской. Рисует на лице Дочери следы грязи и битья. Возвращается к зеркалу и делает то же самое со своим лицом.)*

Помнишь? Мы это играли с тобой вместе. Я ждала выхода во время твоей сцены на крыше сарая. Я помню также реплики солдат и крестьян. Ну, играй свою Катрин! Бей! Бей в барабан! Сильнее!

Сейчас Мать играет крестьян и солдат из одиннадцатой картины «Мамаши Кураж» Брехта. Она ходит кругами, в темноте, вокруг Дочери, которая реагирует на ее реплики все сильнее, входя в роль немой Катрины и стучит по барабану – то есть выбивает ритм деревянными палками по стулу.

МАТЬ. – Иисусе, что она делает?

– Там, на крыше!

– На крыше сарая.

– Она с ума сошла!

– Стащи ее вниз, быстро!

– Сейчас же перестань барабанить, а то сюда придут солдаты!

– Они уже бегут!

– Что за шум?! Изрублю на куски!

– Я тебе говорила, теперь нам конец.

– Господин офицер, мы не виноваты, мы ничего не можем сделать. Мы не заметили, как она туда залезла. Она чужая.

– Это бродяжка, господин офицер. Чужая! Чужая! Тьфу!

– Она ночевала здесь вместе с матерью, без нашего согласия! Чужая! Тьфу! Тьфу!

– Приказываю тебе, сейчас же брось сюда барабан!

– Слушай, даю тебе честное офицерское слово, что тебе ничего не будет, если ты спустишься.

– Для нее нет ничего святого.

– Это не может больше продолжаться, она своим барабаном разбудит весь город. Они закроют ворота, и нам не удастся их захватить врасплох.

– Смотри, она смеется над нами...

– Перестань, скотина!

- Давайте мушкет! Заряжай!
- Слушай! Я прикажу тебя застрелить, если ты не перестанешь барабанить!
- Бей в барабан, бей! Не то все погибнут! Бей, бей...
- Целься! Целься! Последний раз: перестань барабанить!
- Огонь!

Дочь играет этюд смерти Катрин: в нее попадает пуля, она пытается барабанить, но палки выпадают из рук. Она падает на пол. В этот момент Мать вбегает на освещенную часть сцены и играет этюд Мамаши Кураж, увидевшей тело Катрин. Потом укладывает ее ровно на полу. Приглаживает платье, расчесывает волосы, моет лицо и ноги. Надевает ей башмаки. Кладет ее на колени, создавая «Пиету». Какое-то время ее качает, а потом шепотом говорит.

МАТЬ. Теперь она спит. *(Кладет тело на землю. Встает.)* Это вам деньги на похороны. *(Пауза. Дочь постепенно садится на полу. Мать смотрит на нее.)* Еще никто в мире не сыграл так эту сцену, как ты сейчас. Никто.

ДОЧЬ. И никто уже не сыграет. *(Пауза.)* Неужели это снова телефон?

МАТЬ. Нет. Тебе послышалось.

ДОЧЬ: *(Говорит медленно, словно что-то обдумывая.)* И все же мне кажется, что я слышала телефонный звонок. Нужно подойти. *(Идет на середину сцены. Берет в руку несуществующую трубку.)* Да. Это я. Это ты? И в самом деле? Придешь сюда к нам? Возьмешь нас домой? Хорошо. Мы ждем. Сейчас скажу маме. *(Пауза.)* Мама, это звонил отец.

МАТЬ. Отец? Не может быть.

ДОЧЬ. Отец.

МАТЬ. Что ты болтаешь?

ДОЧЬ. Мама, говорю тебе, что звонил отец. Сказал, что приедет к нам, чтобы забрать нас домой. Понимаешь?

МАТЬ. Нет...

ДОЧЬ. Так пойми. Отец. Звонил. Мой отец. Твой муж. Наконец-то мы его дождались. *(Она идет к зеркалу и начинает гримироваться.)*

МАТЬ. О чем ты вообще говоришь? О ком?

ДОЧЬ. Об отце.

МАТЬ. Об отце?

ДОЧЬ. Да.

МАТЬ. Если... Если так, мы должны подготовиться.

ДОЧЬ. Я об этом и говорю!

МАТЬ. Как мы его тут примем?.. Грязная сцена. Беспорядок. Столько лет прошло... И наши маски! *(Бежит к зеркалу и начинает быстро гримироваться.)* Вон сколько сажи! Поспеш! И надо как-то подкраситься... Он меня столько лет не видел. И узнает ли меня вообще?

ДОЧЬ. Наверняка тебя узнает. Ты совсем не изменилась. А я... Меня он в последний раз видел, когда я была ребенком... А я ведь его совсем не помню. Не узнаю... Как только он войдет, то ты должна мне сказать, он ли это. Шепни только: «Да, это твой папа».

Обе лихорадочно гримируются.

МАТЬ. С чего ты взяла, что я пойму, он это или не он? Почему ты решила, что я его узнаю? Ведь я его тоже не видела столько лет... Он мог измениться. Отрастить бороду, начать носить очки, стать хромым, откуда я знаю...

ДОЧЬ. Ну, может, он представится, когда войдет? Он ведь всегда был очень воспитанным. Во всяком случае, ты так говорила.

МАТЬ. Даже если он представится, то откуда мы узнаем, что он говорит правду? В классической комедии у него был бы шрам на щеке или родимое пятно на спине, по которому его можно узнать.

ДОЧЬ. Ты должна просто поверить.

МАТЬ. Поверить? В таком важном вопросе?

ДОЧЬ. У тебя нет другого выхода. И только это может придать смысл твоей будущей жизни. И у меня нет другого выхода. Даже... Даже если бы он сейчас сюда не пришел...

МАТЬ: *(Продолжая гримироваться.)* Не говори так!

ДОЧЬ. А если бы... в пути... с ним что-нибудь случилось...

МАТЬ. Он должен, должен придти.

ДОЧЬ. Да. Придет. Наверняка.

МАТЬ. Мы обязаны ему здесь приготовить царский прием...

ДОЧЬ. Да... да... Царский прием...

(Актрисы закончили гримироваться. Оказывается, у обеих на лицах белые маски.)

МАТЬ. Наши придворные костюмы...

ДОЧЬ. Наши придворные костюмы... Да... Твой, королевы-матери... Мой, принцессы-инфантики...

МАТЬ. Трон...

ДОЧЬ. Трон... Оркестр.

МАТЬ. Оркестр...

Мать передвигает кресло на середину сцены и набрасывает на него какое-то – лучшее всего красное – покрывало. Облачаются в какие-то покрывала. Дочь вставляет новую кассету в магнитофон. Слышна музыка эпохи барокко. Мать начинает танцевать. Кланяется перед троном. Встречается с внимательным взглядом Дочери. Дочь подходит к ней. Женщины смотрят друг другу в глаза.

К О Н Е Ц